

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

Совпайте съ прошедшимъ: ово не
обязуетъ, но благотельно предосте-
регаетъ.

Кто-то.

1905.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1905.

ЗАПИСКИ ОТСТАВНОГО ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА СЕРГЪЯ ИВАНОВИЧА МОСОЛОВА.

Исторія моей жизни.

Начать писать въ г. Броинцахъ, что по Коломенской дорогѣ, ибо и тамъ жилъ.

1806 года Февраля 3 дня.

Родился я 1750 года подъ планетою Тельда. Отецъ мой, Иванъ Григорьевичъ Мосоловъ, отставной отъ артиллеріи капитанъ, то замѣтилъ; ибо онъ зналъ многія науки, какъ-то: астрономію, фортификацію и все члети математики, говорилъ по-иѣмецки, и потому къ намъ многіе знатные господа ѣзжали. Отецъ крестный мнѣ былъ Петръ Степановичъ Болычевъ, а мать крестная—княгиня Вяземская. Обо всемъ томъ мнѣ мать дала записку, какъ я отправлялся въ службу ¹⁾. Отецъ и мать были изъ Россійскихъ дворянъ; за ними было въ уѣздахъ Шацкомъ и Муромскомъ 32 души. Мать моя была роду Шапошиковыхъ и жила послѣ смерти отца моего въ селѣ Апушкѣ, Шацкого уѣзда, въ которомъ селѣ отецъ мой похороненъ въ приходѣ своемъ, при церкви престола Казанской Богоматери у головы алтаря; надъ могилою его и камень послѣ отъ меня положенъ съ надписью, приеланный изъ Москвы, какъ я еще былъ секундъ-майоромъ. Скончался онъ 1760 года. Передъ кончиною жизни своей позвалъ меня къ себѣ и, давъ руку поцѣловать, благословилъ меня своими походными свѣдѣніями ²⁾, образомъ Казанской Богоматери; тутъ же его ангель, Іоаннъ Креститель и Николай Чудотворецъ. Сей образъ во' всѣхъ баталіяхъ, штурмахъ и сраженіяхъ всегда былъ со мною на груди, и понынѣ, благодарю Бога, у меня цѣлъ. Хотя, во время нашествія злыхъ Франгузовъ въ Москву, все у

¹⁾ Да и ввѣтъ многія тѣхъ науки, послѣ насъ и пріѣхавъ изъ арміи въ отпускъ, мать мнѣ отдала, и сверописанна тетради его рука съ разными замѣчаніями.

²⁾ Отецъ мой всю войну служилъ Семилѣтнюю противъ Пруссіи и былъ въ разныхъ баталіяхъ и походахъ, о чемъ мнѣ мать послѣ часто говорила и отдала мнѣ все свѣдѣніе и тетради его рука.

меня ограблено и сгорѣло, по образъ, благословеніе отца моего, остался чудеснымъ случаемъ невредимъ и цѣлъ.

Въ селѣ Анушкѣ, гдѣ мы жили, выучили меня грамотѣ по-россійски читать и писать, черезъ дячка приходской церкви Казанской Богоматери. Въ продолженіе же времени отъ 7 лѣтъ до 10-ти съ отцомъ я ходилъ каждый разъ, когда служба была, къ обѣднѣ и вечернѣ по его воли, хотя и очень лѣнился и не хотѣлось; а особливо когда къ заутренѣ идти (что очень рѣдко отецъ мой манкировалъ) вставать равно трудно было мнѣ, а еще больше скучише мнѣ бывало, когда не пустить меня овецъ своихъ беречь, до чего я былъ великій охотникъ. Всякій разъ, какъ отецъ ложился на постелю спать, то заставлялъ меня читать Псалтырь; сію книгу отъменно оны почиталъ предъ прочими.

Познавши въ селѣ Анушкѣ, мать моя Дарья Трофимовна поѣхала къ сыну, а моему брату большому въ г. Арзамасѣ (его звали Иванъ Ивановичъ Мосоловъ, оны служилъ по штатской службѣ, былъ въ томъ городѣ секретаремъ), гдѣ меня и оставила на два года. Правду сказать, тамъ мнѣ было очень худо жить отъ невѣстки отъменно злой; а опосля мать моя опять пріѣхала въ г. Арзамасѣ, откуда взяла и меня домой въ Анушку.

Собравшись зимою, мать моя повезла меня въ Москву, гдѣ по милости графини Прасковьи Юрьевны Салтыковой, съ которой она была знакома, по службѣ моего отца Ивана Григорьевича, упростила фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова *) записать меня въ службу, почему и записавъ былъ въ Архангелогородскій полкъ мушкетерскій солдатомъ. Самъ фельдмаршалъ взялъ меня за руку и отдалъ господину полковнику Неронову Павлу Васильевичу. То было въ зацѣ, въ какой-то торжественный праздникъ, ибо тогда много было полковниковъ, и сказали «чтобы оны, причисливши меня въ полкъ, приказали писать о мнѣ попеченіе и учить всему, что принадлежитъ для службы». Нероновъ, взявши меня къ себѣ, спрашивалъ: «не имѣю ли и у него въ полку кого знакомаго». И отвѣчалъ, что мать моя мнѣ сказывала, есть у васъ подпоручикъ со мной одной фамилиі Андрей Степановичъ Мосоловъ; почему полковникъ и опредѣлилъ меня въ ту же роту, гдѣ оны служилъ, во 2-ю мушкетерскую солдатомъ. Сіе было 1785 года Февраля 5 дня. Тогда отъ роду было мнѣ 15 лѣтъ. Оны призывалъ его къ себѣ, поручилъ меня ему, приказавъ, чтобы мнѣ обмундировали и ружьемъ учить. У него уже пришла меня мать моя Дарья Трофимовна Мосолова.

*) Отецъ мой во время Прусской войны съ нимъ служилъ.

Полкъ Архангелогородской вѣсь стоялъ въ Таганшѣ, гдѣ и брать Андрей Степановичъ Мосоловъ жилъ въ ротѣ 2-й мушкетерской у капитана Арбекова. Братъ заставлялъ одного солдата учить меня всему, что требуется служба, а какъ одѣлъ меня въ мундиръ солдатскаго сушня, то и такъ былъ радъ сему, что теперь и не могу сего объяснить, а особливо выучившись экзерциции ѣздить ружьемъ и повороты дѣлать по-солдатски. И потомъ представленъ былъ полковнику своему съ ружьемъ, который похвалилъ меня и произвелъ въ подпоручики, что было того же года Марта 16 дня. Получа сей чинъ, мать моя повезла меня въ тотъ же день въ графу Петру Семеновичу Салтыкову съ благодареніемъ, и вѣ какъ графа, такъ и графиню Прасковью Юрьевну благодарилъ, уже бывъ въ мундирѣ и съ двумя позументами. Послѣ сего и на караулъ ходилъ, къ полковнику на квартиру, къ знаменамъ полковымъ съ 12 человѣками рядовыми, однимъ капраломъ, барабанщикомъ и флейщикомъ, и какъ дѣломъ смотрѣть кончилися вѣсь полкамъ Московской дивизіи, то полки пошли по своимъ неизрѣшимымъ квартирамъ.

Нашего Архангелогородскаго полка были квартиры въ городѣ Масальскѣ, куда и я, проставъ съ матерью, пошелъ въ походъ, имѣвши уже 16 лѣтъ, подъ протекшію брата Андрея Степановича Мосолова, которому меня мать поручила и просила, чтобъ меня по родству въ нуждахъ не оставилъ, давши мнѣ на путь и на прочее три рубля серебромъ, со мною проставая и неутѣнно плакала.

Итакъ, пришедши полкъ въ городъ Масальскъ, расположился по квартирамъ, по деревнямъ; одинъ только штабъ и унтеръ-штабъ остались квартировать въ самомъ городѣ, ибо оный городъ не великъ мѣщанствомъ. Черезъ нѣсколько времени нашъ полковникъ Павелъ Васильевичъ Пероновъ, собравъ всѣхъ малолѣтнихъ дворянъ изъ ротъ въ себя въ штабъ, учредить гимназію, выплавивъ изъ Москвы учителя богословія и математическаго класса, оставшаго студента Теплова, который вѣстъ учить читать и писать правильно, т. е. Россійской грамматикѣ, чтобъ узнати раздѣленіе и сложеніе рѣчей, ихъ надежи и прочему, часть риторикъ, а потомъ преподавалъ арифметику, геометрію, тригонометрію, алгебру, исторію священную и древнюю и богословіе.

Подковникомъ были куплены въ Москвѣ книги и инструменты; для бѣдныхъ дворянъ покупали на свой коштъ, а богатые дворяне, учившіеся тутъ же, сами покупали, и былъ сдѣланъ о двухъ фангеляхъ нарочно большой домъ, въ одномъ фангелѣ учились дворяне, а въ другомъ солдатскіи дѣти, и вѣстъ было всѣхъ дворянъ около 70 человѣкъ, а солдатскихъ дѣтей почти тоже. Между тѣмъ учились и ружью, ходи-

ли на караулъ и на ординарїи по очереди, какъ въ полковнику подъ знамена, такъ и на гаубвахту въ своей гимназїи. Надъ нами сверхъ того приставлены были поручикъ Михайло Борисовичъ Загряцкій и названъ директоромъ смотрѣть за нашимъ поведенїемъ въ квартирахъ и за опрятствомъ учебныхъ мѣстъ и нашей аммуниціи ружейной. И не знаю, Провидѣніе ли мнѣ подтверждало или отъ страху къ учителю, только Богъ мнѣ даровалъ, что предъ прочими моими товарищами я умелъ какъ въ наукахъ, такъ и въ исполненїи должности по службѣ, и за то по экзамену, который былъ сдѣланъ въ глазахъ полковника и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, меня полковникъ произвелъ сержантомъ, того же года Августа 6 дня, а учитель далъ достоинство (за прилежанїемъ по наукамъ) цензора, и многихъ дворянъ мнѣ подчинилъ для поправленїя ошибокъ въ ихъ урокахъ и растолкованїя. У сего учителя Тецлова я выучился грамматикѣ, правильно писать и знать склоненїе словъ и рѣчей, арифметикѣ, геометрїи и части тригонометрїи и фортификаціи; также объяснялъ намъ исторїи разныя, натуральную и древнюю, географїю и богословіе. А по-французски учился и только 9 мѣсяцевъ, ибо учитель былъ навѣтъ другой не скоро, коего звали m-r de Grave. А на третій годъ въ манежѣ учился некого отъ офицера отставнаго кавалерїйской службы; танцовать же намъ показывалъ самъ директоръ Загряцкій. А потомъ все это кончилось походомъ.

Полкъ выступилъ и помаршировалъ въ Польшу въ 1767 году въ походъ онаго, а на рандеву собрался въ Польшу въ 1768 году. Въ походъ я былъ пѣшкомъ и ружье несъ, а иногда родевиеникъ мой Мосоловъ и капитанъ мой Бестужевъ Федотъ Борисовичъ давали мнѣ свою верховую лошадь, когда увидѣли, что я усталъ. При началѣ 1769 года полковникъ меня приказалъ опредѣлять на помощь къ адъютанту Пыжову, и назывался я флигель-адъютантомъ въ томъ же сержантскомъ званїи и весь 1769 годъ служилъ въ Молдавіи.

Апрѣля 19 дня подъ Хотиномъ былъ я при атакѣ по второй разъ неприятельскаго ретраншементя и изгнѣн Хотина. Поесть экспедиціи второй ночью, Турки испугавшись, что много мы ихъ переколомъ, а другїе перетонули, спасаясь, хотѣли переплыть по Дибетру-рѣкѣ и городъ Хотинъ оставили намъ. Тогда былъ у насъ фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Прежде два раза къ городу ходили, но назадъ на свою сторону перешла армія. Тутъ Турки возгордились, къ намъ переправлялись черезъ рѣку Прутъ, которыхъ мы всѣхъ ночью перерѣзали, застали сонныхъ въ ихъ ретраншементѣ. Господинъ бригадиръ Кашкинъ съ колоною своею больше всѣхъ отличился, а потомъ Сухотинъ и прочїе; такъ о семъ было слышно. И послѣ сего славнаго раз-

битія фельдмаршала Голицына откомандировалъ detachmentъ подъ командою генералъ-поручика фонъ-Штофельна, который, преслѣдуя остатки непріятеля, почти дошелъ до Дуная, вблизи Молдавскій городъ Иссы, Воложской Бухарештъ, гдѣ послѣ, какъ мы уже туда жъ съ полкомъ пришли, онъ умеръ чумой въ семь же городѣ. Забылъ я написать, прежде еще подъ Хотиномъ была въ 1769 году Июни 2-го дни полевая баталія, ибо нашъ полкъ былъ въ аррьергардѣ, какъ шли назадъ отъ непріятеля, и тутъ отличилась первая гренадерская рота подъ командою капитана Трегунова: онъ дрался болѣе 8 часовъ, пока весь полкъ подошла и конница; видно не думали, чтобъ на обозъ напали Турки; за что фельдмаршалъ Голицына сего капитана въ секундъ-майоры произвелъ за спасеніе обоза, а прочихъ офицеровъ той же роты слѣдующими чинами награждалъ и солдатамъ по рублю далъ.

Въ началѣ 1770 года Января 1-го, по представленію полковника Перонова, произведенъ и былъ въ настояще адъютантъ на ваканцію графомъ Петрою Александровичемъ Румянцевымъ; ибо послѣ отъѣзда въ Петербургъ князя Голицына, сей Румянцевъ присланъ отъ Государыни Екатерины Алексѣевны командовать первую армію, которую онъ осматривалъ, прѣхавши къ намъ, при мѣстечкѣ Чертчи, самъ былъ верхомъ и велъ линіи объѣхалъ и говорилъ публично при разводахъ, что победы, которая ся теперь получаю отъ переднихъ войскъ, оныя совершаются отъ мудраго распоряженія и терпѣнія фельдмаршала Голицына, съ малѣйшимъ урономъ солдатъ).

Въ ономъ 770 году, уже подъ начальствомъ графа Румянцева, въ отдѣльномъ корпусѣ князя Николая Васильевича Реннина, нашъ полкъ находился въ баталіи Юлія 7-го въ Молдавіи и при взятіи непріятельскаго ретраншемета и лагеря, а 21-го на полевой баталіи при оаерѣ Кагуль; тутъ взяли также лагерь, обозъ и пушки. Нашъ было не болѣе 30 тысячъ, регулярнаго и нерегулярнаго войска, а ихъ около двухъ сотъ тысячъ. Послѣ занятія ретраншемета и всего ихъ добраго перешли мы и Трошоу дорогу славою по древней исторіи. Многіе дивизионные генералы просились съ корпусами догнать и разбить остатки непріятеля, но графъ имъ отвѣчалъ: «мы, батюшка, только ихъ прогнали, а не побили, потому непріятель не худо и мостъ поставитъ». При атацѣ силы Турецкой и при входѣ въ ретраншементъ потерялъ много каре генералъ-поручика Шамяникова; ибо наша съ янычарами, вышедши вонъ изъ ретраншемета, съ боку нечаянно на насъ напалъ, что услышавши графъ Румянцевъ велѣлъ тотчасъ туда бѣжать на помощь полку первому гренадерскому, и командовать самъ: ступай, ступай.

най, за что полкъ и названъ именнымъ повелѣніемъ лейбъ-гранодерскимъ, и чины еѣмъ даны были.

Уже на другой день къ вечеру генералъ Боуръ пошелъ съ detachmentомъ къ рѣкѣ Дунаю, гдѣ и нашъ полкъ былъ, и во время баталіи при озерѣ Кагуль нашъ полкъ выходилъ въ сарѣ подъ командою князя Николая Васильевича Репнина, противъ ихъ праваго фланга, въ сарѣ подъ командою бригадира Вейсмана, что послѣ сдѣлаея славнымъ генераломъ. На третій день къ свѣту туда мы пришли, гдѣ они переправлялись черезъ Дунай, и застали ихъ еще болѣе 10 тысячъ, съ которыми подрались и многихъ взяли въ плонъ, а другіе ушли къ городу Измаилу. Остановилъ у переправы Казани, многихъ вытаскивали изъ воды мертвыхъ по всей одеждѣ и бронѣ, но только руки были обрублены; видно, цѣплялись за суда, кои отваливались отъ берегу.

Въ 1771-мъ году Октября 21-го, при атакѣ и взятіи за Дунаемъ города Мачина, подъ командою генералъ-майора Милорадовича въ дѣствительномъ сраженіи, и въ Октябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ элотицією отъ Браилова до Салистрии по Дунаю подъ командою генералъ-майора Григорія Александровича Потемкина, что послѣ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ, и 28-го при деревнѣ Рожеватой было сраженіе и на землѣ, и на водѣ. При выходѣ на правый берегъ были Турки отбиты, и суда потомъ свободно прошли; а послѣ были распущены по квартирамъ, и досталось нашему полку Архангелогородскому стоять въ Бухарештѣ, гдѣ была чума; тутъ и болѣнь былъ оною, но къ счастью выздоровѣлъ, а собственный мой слуга Леонтій Григорьевъ въ той же болѣзни умеръ; и я въ предосторожность всякій день мылся три раза укусомъ крѣпкимъ простымъ, и принужденъ былъ курить табакъ, хотя мнѣ было еще только 21 годъ.

Потомъ въ 772-мъ году былъ въ походѣ и въ сраженіи подъ городомъ Турноку, Октября 26-го при бомбардированіи города Рущука, а Ноября 3-го при переправѣ у Туртукая, на супротивный берегъ Дуная, а потомъ у Рущука, гдѣ и была главная баталія; тутъ отличился нашего полка капитанъ Иванчицъ, а какъ по рекомендаціи графа Ивана Петровича Салтыкова ему ничего не дано, то и пошелъ въ отставку; онъ подъ берегомъ крутымъ съ своею ротой 1-ю гранодерскою на штыкахъ дрался съ Турками, которые хотѣли въ тылъ намъ зайти, ибо мы стояли тогда покоемъ, задній фасъ у насъ былъ Дунай-рѣка. Тутъ они храбро на насъ шли, думалъ, что такую жъ побѣду получать, какъ намъ удалось взять въ плѣнъ полковника князя Петра Васильевича Репнина съ полкомъ уже разбитымъ прежде сего.

Какъ отбили неприятелей и прогнали, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (онъ былъ нашъ начальникъ) обложилъ войсками почти со всѣхъ сторонъ городъ Рущукъ, что противъ Журжи, гдѣ 14 Іюня близъ оного въ дѣйствиельномъ сраженіи я находился въ отдѣленномъ 2-мъ баталіонѣ въ садахъ подъ командою подполковника де-Ласейя, и отъ него же высланъ былъ съ ротою 9-ю мною командуемой противъ вылазки Турокъ изъ города Рущука, которую разбилъ и прогналъ, потерявъ самъ до 30 человекъ, за что по рекомендаціи за отличность и награжденъ былъ капитанскимъ чиномъ, ибо я былъ уже поручикъ, въ который чинъ былъ произведенъ по линіи 773-мъ году Января 1-го дня. Уже оный капитанскій чинъ получилъ по заключеніи мира при Кабарджанъ въ 1774-мъ году Ноября 24 дня.

Забывъ я написать походъ нашъ къ урочищу, прозванному Рябля Могилы, съ княземъ Репнинымъ, противъ которыхъ Татары и Турки два раза шель атаковали, перейдя чрезъ рѣку Прутъ, при урочищѣ, названномъ Рябля Могилы (на томъ мѣстѣ императоръ Петръ I-й былъ атакованъ, гдѣ онъ съ Турками и заключилъ миръ 1711-го года Іюня 13 дня), но были съ урономъ отбиты; тутъ мы много нужды претерпѣли, мало было провіанту, а обозъ нашъ былъ отъ насъ далеко; то даже и офицеры ѣли два дни только одну жареную говядину, а какъ привезъ намъ капитанъ Виневъ понтонныя мосты, то уже мы стали переправляться на неприятельскую сторону и ихъ прогнали, тутъ и Боуръ къ намъ подошелъ съ detachmentомъ. Да еще забывъ походъ съ генераломъ-майоромъ Черновицею по Пруту къ Журжулесту или Рещку, почти всякій день съ Татарами стычка была; сія крѣпостца лежитъ противъ Галаца на другой сторонѣ рѣки Прута; сіе было передъ 7-мъ числомъ Іюня 1770 года.

Послѣ жь окончанія войны полкъ Архангелогородской пришелъ въ Польшу въ село Красное, гдѣ далъ мнѣ полковникъ въ команду 1-ю гранодерскую роту, а потомъ какъ полковникъ нашъ Матвій Петровичъ Ракевской уѣхалъ изъ полка въ отпускъ, оставилъ полкъ подъ командою подполковника Шинилова, который отъ слабости команды полкъ разстроилъ, и офицеры нѣкоторые зачали пить, а другіе между собою драться, и отъ сего, чтобы удалиться, переведенъ былъ (по прошенію моему въ 775 году Сентября 20-го) въ 4-й гранодерской полкъ, въ которомъ былъ полковникомъ Петръ Федоровичъ Талызинъ, гдѣ получилъ я въ командованіе 11-ю роту. Въ ономъ полку я служилъ почти три года, въ Польшѣ и въ квартирахъ Смоленской губерніи, въ городѣ Рославлѣ, а стояли лагеремъ близъ Смоленска.

Изъ онаго переведенъ и по повелѣнiю его сiятельства господина генераль-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго ко укомплетованiю вспомоgetельнаго корпуса, состоящаго въ Польшѣ подъ командою генераль-поручика Павла Сергѣевича Потемкина, въ Кiевской пѣхотной полкъ 778-го года Октября 4-го дня, по представлению сего полка полковника Степана Степановича Апраксина. Въ томъ же полку меня пожаловали, по иманному указу 780-го года Сентября 19-го дня, въ секундъ-майоры за то, что въ Могилевѣ вмѣсто гвардiи былъ посланъ и содержать караулъ при государынь Екатерины II-й, а уже полкъ Кiевскiй былъ на караулъ въ Санктъ-Петербургѣ. При открытiи монумента или статуи царя Петра I-го былъ въ церемонiальномъ маршѣ; тогда полкъ удостоенъ былъ вмѣстѣ со всею гвардiею, и нашего полку какъ штабъ и оберъ-офицеры, такъ и всѣ чины даже и рядовые за тотъ день въ знакъ достойной памяти получили медали. И былъ верхомъ передъ 2-мъ баталiономъ, и при входѣ еще въ Петербургъ чрезъ Царское Село императрица Екатерина II-я навозила пожаловать нижнимъ всѣмъ чинамъ по 1-му рублю, а штабъ и оберъ-офицерамъ указала объявить свое монаршее благоволенiе. У насъ и тогда былъ тотъ же полковникъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Нашъ полкъ еще и прежде былъ на караулъ вмѣсто гвардiи у Императрицы, въ городѣ Могилевѣ, какъ изволила шествовать изъ Петербурга, о чемъ я уже упомянулъ, а потомъ полкъ Кiевской изъ Петербурга пришелъ зимовать въ городѣ Нѣжинѣ подъ команду опять фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго; а отсюда пошли для покоренiя Крыма или Таврической области. Тамъ состояли въ 782 и въ 783 годахъ подъ командою свѣтлѣйшаго князя Потемкина, по повелѣнiю коего я былъ переведенъ въ драгунской Астраханской полкъ, находящiйся на Кавказской линiи въ 784-мъ году Августа 1-го дня, куда я по сдѣлѣ полка Кiевскаго старшему по себѣ (ибо тогда я имъ въ Крыму командовалъ, какъ полковникъ Апраксинъ уѣхалъ ко двору ея величества въ разсужденiи должности флигель-адъютанта). Будучи жь въ Крыму и для полку строилъ и казармы, отправился потомъ на Кавказскую линiю, заѣхалъ однакоже въ Москву, такъ было мнѣ приказано отъ полковника Апраксина; ибо и онъ прежде меня переведенъ былъ иминнымъ указомъ въ тотъ же драгунской Астраханской полкъ.

Въ Москвѣ я пробылъ 4 мѣсяца и влюбился въ живущую тутъ же въ домѣ Степана Степановича у сестры его Марьи Степановны Тамбовской, въ монастырку дѣвушку пристоинную, Настасью Ивановну Бутрюмову, которая у нихъ жила, была выучена въ монастырѣ говорить хорошо по-французски и писать, танцовать, шить по потамъ и шрать немного на фортепiанѣ. Помолвивши съ ней формальнымъ образомъ,

уѣхалъ служить на Кавказскую линію въ Астраханской полкъ, въ коемъ былъ болѣе 4 лѣтъ.

Въ продолженіе сего времени 785-го Юня 8-го, переправясь чрезъ рѣку Терекъ на Сунакъ, прогнали толпы бунтовщиковъ Чеченцевъ; послѣ уже того какъ бригадиръ Шеринъ разбитъ отъ Шикали-имамъ въ дѣлѣ, называемой Хаикакъ, гдѣ и самъ убитъ былъ, а подполковникъ егерской пропалъ Каморской, а баталіонъ егерей и 2 гранодерскія роты совсѣмъ разбиты были отъ его зависти, что Шеринъ не хотѣлъ раздѣлять съ нами надъ непріителемъ побѣду и отъ того самъ пропалъ, вѣроятно вѣмъ собраться къ Сунакъ-рѣкѣ 7 числа; а Шеринъ пришелъ 6-го, и переправившись началъ дѣйствіе одинъ съ своимъ отрядомъ.

Послѣ сего два лѣта и содержалъ кордонъ отъ Наура до Кизляра, уже былъ произведенъ приміеръ-майоромъ 786 года. Въ командѣ у меня, были 4 гранодерскія роты и 60 человекъ Гребенскихъ казаковъ. Гребенскими казаками они названы еще при жизни царя Петра I-го, потому что они возвратились съ гребня горъ Кавказскихъ; ушедшіе изъ стрѣльцовъ Россійскихъ и были прощены отъ Петра I-го послѣ заложения крѣпости Кизляра, почему они тамъ и поселены въ трехъ станицахъ. Сіи казаки точно также одѣты и нарядъ на лошадей таковъ какъ Черкесы; и 160 человекъ Казмыковъ; эти только тогда храбры какъ потонили непріителей, а какъ самъ ретироваться станешь, то первое жъ уйдуть.

Потомъ дали мнѣ егеревой баталіонъ, съ нимъ также одно лѣто служилъ, но не удалось подраться, а потомъ какъ велѣно генералу Тевелю, нашему начальнику Петру Абрамовичу, идти съ корпусомъ для диверсій въ крѣпости Анапъ, что на Черномъ морѣ во флангъ Кавказскихъ горъ; а потомъ 788-го года при переправѣ за Кубань, какъ шли въ Анапъ, я былъ тогда у генералъ-майора князя Ратеева дежурнымъ, за штабъ-квартирмейстера и партизаномъ; сіи три должности отправлялъ при авангардномъ корпусѣ, нашелъ мѣсто, гдѣ переправился цѣлый корпусъ чрезъ Кубинъ-рѣку, отбилъ отъ онаго непріителя, съѣзавъ въ другомъ мѣстѣ ось-переправу съ Гребенскими казаками и съ двумя ротами егерей, за что меня хотя и рекомендовали, что первый переправился за Кубань, но ничѣмъ не наградили; а въ статутѣ кавалеровъ Святаго Георгія сказано, кто первый переправится на непріительскую сторону, тому дать крестъ.

Въ маршѣ при рѣкѣ Кубани того жъ года Сентября 26 дня въ генеральномъ сраженіи съ горцами и Турками; здѣсь я посланъ былъ съ 4-ю казаками добродѣтельными и однимъ есауломъ Карауловымъ, чтобъ съскочить мѣсто и непріателя съ тылу зайтить, что мнѣ и удалось; только само быто попался въ ихъ руки, ибо тѣ, кои въ сраженію на помощь подошли, отрѣзали меня. Но я бросился вдругъ съ крикомъ изъ лѣсу и отбилъ у нихъ одно знамя; двухъ Абазинцовъ закололи, ибо они думали, что насъ тутъ цѣлый казачій полкъ былъ; и я то знамя привезъ къ генералу Ратееву. Онъ благодарилъ меня за знамя, и что я цѣль возвратился и велѣлъ съ собою идти одному полку и одному гранадерскому баталіону за мною на то мѣсто, которое я нашелъ для сраженія въ лѣсу на полянкѣ; тутъ пришедши построились мы двумя кареями, и непріатель, испугавшись, что мы открыли съ тылу ихъ вановоду изъ пушекъ по Туркамъ и Черкесамъ, кои все свачуть къ главному карею, гдѣ былъ Текекій; но какъ увидѣли, что мы ихъ отъ горъ отбѣжали, то все толпы бросились уже на насъ и тѣмъ большой каре избавили отъ большаго урону; ибо оный построился въ критическомъ мѣстѣ тѣномъ, что Горцы и Турки изъ лѣсу были изъ ружей солдатъ, а ихъ было не видно.

И за сіе мнѣ князь Потемкинъ ничего не далъ, хотя и началомъ былъ для сохраненія всего корпуса, а моему авангардному генералу Ратееву присланъ орденъ 2-й степени Владимира. Послѣ сего подѣ въ крѣпостію Анапою Октября 14-го того жъ года не довольно отрывая мѣста, дѣлалъ чрезъ рывины и буераки мосты; ибо мы шли черными горами и занималъ оныя съ боемъ оружія, но еще генераль-поручика Петра Федоровича Талызина, бывшаго своего полковника, избавилъ отъ ея ерти или бѣ въ плѣнь попался. Онъ хотѣлъ переѣхать отъ насъ на другую сторону болота посмотрѣть, какъ тамъ дерутся егеря его командѣ, и въ ономъ завязъ со всею своимъ 4-мя казаками воевоемъ, и увидѣ его погибающаго, ибо Абазинцы раздѣлись и голые шли къ нему изъ трѣ стинку съ ружьями; въ ту жъ минуту выпросилъ я позволеніе у князя Ратеева своего командира, чтобъ его отбить и вынести оттуда, что и удалось мнѣ исполнить, приказавъ также раздѣться 40 егерямъ и съ однимъ только ружьями да по 5-ти патроновъ привязавъ имъ каждому на шею; слава Богу, его отбилъ отъ горцевъ вытащили. Тутъ два егеря были ранены, которымъ далъ онъ довольноую плату, а мнѣ сказать себѣ само, братъ, что ты старую хлѣбъ-солѣ помнишь».

Отъ Анапы мы послѣ сраженія назадъ пошли, ибо отъ князя Потемкина не велѣно было ее брать штурмомъ, хотя было и удобно; ибо въ крѣпости Анапѣ заперлись только Турки одни, коихъ было не больше

трихъ тысячъ, а горскіе воины всѣ расположились по горамъ, не хотѣли помогать Туркамъ въ городъ Ашапъ. На возвратномъ пути почти каждой день горскіе жители всѣхъ провожали пулями и стрѣлами изъ лука; но большого вреда и сраженія мы уже не видали, а переправившись нападъ, или на свой берегъ Кубань рѣку, солдаты много потерпѣли нужды отъ холоду и въ недостаткѣ провіанта.

Сюю экспедицію кончивши, я сталъ проситься въ отставку. Генералъ Текедін и отпустилъ меня только на 20 дней, я былъ и тому радъ, думая, что еще поспѣю къ штурму Очкковского, куда я и поскакалъ на почтовыхъ; но приѣхавъ въ Екатеринославъ городъ, узналъ, что уже Очаковъ взяли, однакожъ я все въ нему поѣхалъ посмотреть крѣпость и все укрѣпленіе и линии, кои рыли наши. Тамъ я нашелъ комендантомъ бригадира Юргенца, мнѣ знакомаго еще въ первую войну съ Турками; онъ мнѣ сказалъ, что большая часть Турокъ была сараксиромъ выведена изъ города въ ретраншементъ, который довольно былъ укрѣпленъ и обширенъ; следовательно все же войско уже не могло войти въ крѣпость во время штурма; а всѣ поколоты у входа къ воротамъ, гдѣ сказывалъ онъ «великія кучи мертвыхъ тѣлъ шавлены были».

Оттуда поѣхалъ я съ донными мнѣ отъ командировъ атестатами, за дѣла мои во время походу къ крѣпости Ашапъ, въ Санктъ-Петербургъ, думая навѣрное крестъ Егорьевской получить; ибо въ статутѣ сказано, что первой станеть на непріятельской березѣ съ боемъ оружія, тотъ получаетъ Егорьевской крестъ. Но ошибся въ моихъ мысляхъ, а вина была только та, что не имѣлъ протекціи, хотя и многіе дивились, что я о сю пору безъ креста, я отвѣчалъ имъ: благодарю за сдѣланную честь, хорошо и то, что вы слышали о моихъ дѣлахъ, нежели бы у меня спросили, за что я получилъ? Видно и только счастию для откомандирования къ бою, а къ полученію награжденія другіе. И подлинно многимъ дали чины и кресты, а мнѣ ничего.

Тамъ я поѣхалъ на Кавказскую линію обратно, гдѣ уже нашелъ главнымъ командиромъ графа Ивана Петровича Салтыкова. Онъ меня взялъ къ себѣ въ десурные; но недолго мнѣ досталось у него быть въ сей должности; ибо князь Потемкинъ перевелъ меня въ егерскіе батальоны, по причинѣ что я былъ въ полку Астраханскомъ драгунскомъ сверхъ комплекта, а можетъ быть и другой чей умыселъ былъ таскать меня изъ угла въ уголъ цѣлаго государства, изъ Крыму къ Каспійскому морю въ Кизаюру, оттуда опять на Черное къ Инкерману; но принужденъ былъ ѣхать, взявъ съ собою бѣлье и одного человека Егора, съ которымъ я въ битвѣ на почтовыхъ приѣхалъ въ Каушаны, что въ Бессарабіи.

Это было 789-го года въ Сентябрѣ. Тутъ стоялъ съ корпусомъ господина генералъ-поручикъ графъ де Балменъ, къ которому я и явился, объявивъ, что я ѣду къ свѣтавшему князю Потемкину, для опредѣленія въ егерскіе баталіоны, имѣя отравленіе отъ графа Салтыкова; онъ мнѣ совѣтовалъ тогда лучше ѣхать одному съ казакомъ и верхомъ, нежели въ повозкѣ, въ разсужденіи опасности разъѣзжающихся Турецкихъ партій изъ города Бендеръ, а князь уже въ Бѣлградѣ или Акерманѣ на Черномъ морѣ, который былъ взятъ на каинтуляцію. Итакъ я оставилъ кибитку у подполковника казанскаго Пловаяеваго, что былъ послѣ генералъ-майоромъ, а самъ съ казакомъ верхомъ поѣхалъ къ Бѣлграду или Акерману. Дорогою ничего не случилось, кромѣ что дождь всего промочилъ. Приѣхавши туда, тотчасъ пошелъ къ Попову правителю письменныхъ дѣлъ, и депеши, кои были со мною, ему отдалъ. Живши тамъ 4 дня, спрашивалъ у него о своей судьбѣ; но онъ обыкновенно для кого былъ недобръ, то промолчить и уйти въ конделярн, или совѣтъ запретея. И такъ я, проживъ въ Акерманѣ 10 дней, уже почти и денегъ мало стало, да и въ одной рубашкѣ обчелся, выдумалъ, для скорого отравленія стратажему: всегда за столомъ старался садиться противъ князя Потемкина, который лишь увидитъ меня, то тотчасъ спрашиваетъ Попова и выговариваетъ ему, для чего я не отравленъ (ибо князя только и увидишь за столомъ, а то рѣдкихъ къ нему пускали, а особливо нашу братью, кои стѣны лбомъ своимъ пробивали безъ протекціи). Сіе я дѣлалъ 4 раза, что былъ на глазахъ за столомъ; наконецъ уже Поповъ меня самъ спросилъ и съ гнѣвомъ изволилъ выговоръ сдѣлать, для чего я попался на глаза къ князю? Я ему отвѣчалъ для того, что я хочу, чтобъ вы меня опредѣлили скорѣе къ мѣсту. «Вотъ тебѣ и мѣсто» и далъ мнѣ отравленіе видѣть въ Херсонѣ къ князю Репнину, къ которому я и поѣхалъ верхомъ до Каушанъ, а тамъ въ своей кибиткѣ. Приѣхавши въ Херсонъ, къ князю явился, которой мнѣ повелѣніе княжеское объявилъ, что я опредѣленъ въ Лифляндскій егерскій корпусъ въ 3-й баталіонъ на ваканцію баталіоннаго начальника 789 года Ноября 13 дня, о чемъ и ордеромъ предписалъ шефу того корпуса генералъ-майору Мекнобу, чтобъ я приехалъ 3-й баталіонъ отъ подполковника Стоянова на законномъ порядкѣ (на которомъ отъ сдачи и понынѣ осталось моихъ денегъ 300 р.).

Баталіонъ 3-й я нашелъ совершенно разстроенный, ибо сіе время было послѣ штурма Очаковского, ни обозу, ни аммуниціи, а въ комплектѣ недоставало 320 человекъ; обо всемъ подалъ я рапортъ къ шефу и къ князю Репнину. Въ зиму построилъ я новый обозъ, людей одѣлъ, ружья исправили, а рекрутами самъ вѣдиль въ Витовку, гдѣ жилъ бригадиръ Фазе-

ствъ *)), или въ городъ, что ишь Николайевъ, тамъ ишь въ рекрутъ почти голыхъ, такъ что ишь почти въ рогожкахъ ходили, ибо свое платье все изорвали на работъ каменной, что Фалеевъ приказывалъ дѣлать, то и сдѣлали, уже годъ какъ тамъ работали, и за то денегъ ишь никто не платилъ, изъ конхъ отъ непонеченія по 10 мерли въ день, и относили ихъ безъ пошн и отиву какъ собакъ на посплкахъ зарывать въ амы, а самъ это видѣлъ, чему ужаснулся. А тамъ же былъ генеральный госпиталь, гдѣ ишь не смотрѣлъ кромѣ цырульничковъ, хотя и много при- ставлены были, но они только наживались; остальные зъ отъ рекрутъ умершихъ деньги брали себѣ. Господину Фалееву хотя и и сказывалъ, что ишь ни малѣйшаго чловѣколюбія; но онъ мнѣ сказалъ «это, судирь, не можетъ быть, а самъ смотрю» и просилъ меня обидать, но и радъ, что вырвалъ изъ погибели своихъ рекрутъ, помаршировалъ съ ними въ Херсонъ, гдѣ мы стояли въ базаряхъ, куда привелъ. Шесть раздѣлялъ на 4 баталіона, изъ конхъ мнѣ досталось 320 чловѣкъ. Каждый я раздѣлъ до наготы и осмтрѣлъ ихъ, ишь ли у нихъ какихъ на тѣлѣ заразы; ишь по большей части въ чпрыхъ и въ чесотѣхъ, ибо одну рубашку носили по два мѣсяца, тотъ же день велѣлъ ихъ вести въ баню, а рубашки купилъ изъ старья у другихъ егерей; и какъ они обмылись, совсѣмъ другіе люди стали; но все оставалась въ нихъ внутри та гнилость, которая вкоренилась отъ худой пищи и несмотрѣнія, какъ были они на работъ. И сколько моего старанія ни было, изъ нихъ болѣе 60 чловѣкъ въ лазаретѣ померло поносамъ и горячкою, ибо воздухъ въ Херсонѣ отъишно тяжелый, все вѣтры или жары; а въ другихъ баталіонахъ и половины не осталось. Къ лѣту баталіонъ 3-й и совсѣмъ устроилъ и людей поодиночѣвъ выучилъ приладываться цѣльно, зарывать проворно и съ ружьемъ какъ должно обходиться, сн три правила были у меня основаніемъ солдатской должности; и шеу своему генералъ-маіору Мекнобу лѣтомъ показалъ весь баталіонъ поодиночѣвъ, вотъ какимъ образомъ. Веревка была протанута, по которой егеръ тащилъ бѣгомъ щитъ въ ростъ чловѣва, а шириною 1½ ар. Противъ оной по всей дистанціи разставлены были чрезъ 20 шаговъ егерей по 6 чловѣкъ, которые на бѣгу много попадали въ щитъ. А послѣ и манеры стролъ съ баталіономъ по егерски. Шесть былъ болѣе тѣмъ доволенъ, что изъ всего баталіона только 17 ружей осыклося, а то всѣ выстрѣлили безъ осычки; и осмтрѣлъ каждого и весь обозъ и упражъ; послѣ отдалъ въ благодарность приказъ по всему корпусу и прочимъ командирамъ рекомендовалъ также устроить свои баталіоны; а еще ему болѣе пріятно было то, что у меня меньше всѣхъ померло.

*) Былъ крестуръ княза Потемкина.

Послѣ осмотра баталіоновъ пошли мы къ походу къ Бендерамъ и тутъ простояли до самой осени, оттуда пошли къ крѣпости Килію, что на устьѣ рѣки Дуная. Начальникъ у нашего корпуса былъ генералъ артиллеріи Иванъ Ивановичъ Миллеръ, который отъ раны умеръ тамъ же какъ ишли 790 года Октября 6 ретраншементъ Килійской.

На мѣсто его присланы командовать корпусомъ ген.-поручикъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Онъ обложилъ формально крѣпость, велѣлъ нашему шезу одинъ Армянскій монастырь отбить, шезъ послалъ съ баталіономъ мени, сіе я исполнилъ, выбивши Турокъ, подъ чего подъ моимъ же прикрытіемъ и брешь-батарею заложить. Тутъ былъ инженерной ген.-майоръ Кноринъ; а по стрѣзаніи 5 дней стѣну и башню разбили, отъ которой каменя и кирпичи въ ровъ повалились, почему наша, той крѣпости начальникъ, и выслалъ 300 человекъ отборныхъ янычаровъ вонъ изъ крѣпости, и велѣлъ лечь противъ башни во рву, для прикрытія пролома подъ своимъ пушками, а чтобъ узвать, какъ западеи ровъ, и можно ли передить его. Для сего во время ночи я былъ посланъ бригадиромъ дежурнымъ при блокадѣ находящимся Рахмановымъ, съ тремя егерями. Не знаю, откуда сіе повѣдѣніе пришло, но долженъ повиноваться правиламъ службы; хотя и вѣрная смерть предстала: ибо и тѣ янычары были во флангъ брешни, до которой мнѣ мимо ихъ должно пропалывать. Въ душѣ своей сказала «буди, Господи, воли Твоя надо мною», передѣвшись въ егерскую шинель, съ двумя егерями, поплзъ ко рву, прокрадываясь мимо печей разложившихъ, кои остались отъ пожара: ибо форштатъ былъ весь выжженъ. Отползли мы отъ брешь-батареи сажень 10; егерь мой увидѣлъ изъ рва выходить огонь и мнѣ сказалъ, и такъ мы остановились. Что будетъ отъ сего огня? думая себѣ: можетъ быть, это ихъ дозоръ ходить по рву; но потому огонь идетъ все къ намъ ближе. Я велѣлъ егерямъ ружья оправить, и самъ вынулъ изъ ножонъ саблю, огонь поравнялся съ нами, то увидѣли мы, что это два Турка съ фохаремъ, мы тужъ минуту ихъ обступили. Я спросилъ: куда вы идете? толмачъ мнѣ отвѣчалъ, что это бабравтаръ идетъ съ письмомъ отъ пашы къ вашему генералу. Ихъ и отвелъ къ дежурному бригадиру, Михайлѣ Степановичу Рахманову, которой обрадовался и сказалъ «вѣрно это значить, что паша хочить крѣпость сдать». И подлинно такъ и вышло: на другой день мы Килію и заняли. Господинъ генералъ Гудовичъ мени лично благодарилъ за счастливую встрѣчу и успѣхъ противъ крѣпости, и подлинно было для меня счастье: могло бы быть, чтобъ я подъ брешни и голову потерялъ. Сказалъ, что «будетъ меня рекомендовать за все до сего времени дѣла и услуги отечеству»; и правда, послалъ мени послѣ съ большою реляціею обо всемъ къ князю По-

темпну въ Бендеры. Но я тамъ, живши двѣ недѣли, ничего не получалъ; не былъ удостоенъ милости ни князей, ни Попова, и съ тѣмъ возвратился къ своему баталіону, а прежде посланная господинъ Титовъ была награждена приміеръ-майорскимъ чиномъ; ибо онъ больше моего заслужилъ, сидѣвшій въ палаткѣ за столомъ, только подписывая на приказъ «дежурный майоръ».

Отъ Кишинъ весь нашъ корпусъ пошелъ по повелѣнію князя въ крѣпость Измаилу, подъ которой съ 24 Ноября по 14-е число Декабря находились, пока его взяли штурмомъ, какъ пріѣхать къ намъ графъ Ал. Васильевичъ Суворовъ командовать, а Гудовичъ уѣхалъ въ Бендеры, гдѣ былъ князь Потемкинъ. Слышно было, что генералъ Гудовичъ отъѣзжалъ брать штурмомъ Измаилъ, ибо въ крѣпости было одного гарнизона 35000 тысячъ Турокъ и Татаръ, чему и можно вѣрить; оные собрались изъ 4-хъ главныхъ крѣпостей, изъ Хотина, изъ Бендеръ, изъ Акермана, изъ Кишинъ и свой пятый гарнизонъ; и потому они держались крѣпко, что почти все побито и повозоны были. Штурмъ продолжался 8 часовъ, и нѣкоторыя колонны вошли было въ городъ, опять выгнаты были. Я изъ своего баталіона потерялъ 312 человекъ убитыхъ и раненыхъ, а штабъ и оберъ-офицеры или ранены, или убиты были, и я раненъ былъ пулею на вылетъ въ самой амбразурѣ въ бровь, и въ високъ вышла и кабы трубачъ меня не сдернулъ съ пушки, то бы на шей и голову отрубилъ Турки. На рямпартъ я вошелъ первый; только передо мною по лѣстницѣ 3 егеря лѣзли, которыхъ въ той же амбразурѣ Турки изрубилъ; ровъ такъ былъ глубокъ, что 9 аршинъ лѣстница только могла достать до берму, а съ берма до амбразуръ другую мы наставляли. Тутъ много у насъ солдатъ погибло, они всемъ насъ били, чѣмъ хотѣли.

Какъ я очнулся отъ раны, то увидѣлъ себя только съ двумя егерями и трубачомъ, прочіе все были или побиты или ранены на паркетѣ. Потомъ сталъ кричать, чтобъ остальные офицеры сами лѣзли съ егерями изъ рва вверхъ, придавалъ имъ смѣлости, что Турки оставили бастіонъ. Тогда ко мнѣ вѣзали по лѣстницамъ поручикъ Белокошатовъ и подпоручикъ Лавровъ съ егерями здоровыми; мы закричали ура, бросились во внутрь бастіона и овладѣли онымъ; но однакожь много егерей тутъ было изрублено, и офицеръ одинъ убитъ, а мени хоть и перевязали платкомъ, намочивъ слюнями землю, въ ранѣ приложилъ трубачъ (ибо въ егерскихъ баталіонахъ тогда были трубачи, и барабановъ не было), но все кровь текла изъ головы. Я слабѣлъ и пошелъ лечь на банкетъ (а потомъ рана сія засохла съ слюнями и зем-

лею, и такъ выдѣчлася; но глазами правымъ долго не могъ видѣть), и пушки велѣлъ обратить и внутри по городу стрѣлять. Штурмъ продолжался еще послѣ сего, то наши гонють, то Турки нашихъ рубать, болѣе 4 часовъ внутри города и безъ строю. Окончилось тѣмъ, что Богъ намъ опредѣлилъ быть побѣдителями; насъ всего было 17 тысячъ регулярныхъ, да казаковъ 5 тысячъ, съ которыми счастливый и смѣлый графъ Суворовъ взялъ крѣпость Измаилъ. Послѣ бою графъ позволялъ нижнимъ чинамъ въ крѣпости брать все кто что нашель три дни. Правду сказать, у насъ не было уже почти хлѣба, а потомъ сдѣлалось хлѣбомъ и разными припасами довольно; нижніе чины достали и чернопшевь много, такъ что шанками ниже къ маркитантамъ носили.

Забывъ я написать, еще до штурма что съ нашею колоною случилось. Колоновожатою у насъ былъ майоръ Марченко, присланъ былъ изъ свиты Павла Сергѣевича Потемкина, оной заведъ насъ советамъ не туда и самъ пропалъ; ибо шель нашъ, который командовалъ колоною, г.-майоръ Мекнобъ пришелъ ко мнѣ, какъ мы уже идемъ въ крѣпости, говорить, что «я не знаю, гдѣ съ колоною стою, кажется мнѣ не тамъ, гдѣ начинать должно штурмовать», а ночь была въ счастію нашему очень темная, и ему отвѣчалъ, что на то есть колоновожатель. Сей Марченко послѣ явился цѣлъ и былъ на бастіонѣ, которой штурмовали; но его тогда сыскать не могли. Итакъ мнѣ Мекнобъ сталъ говорить «я на тебя надѣюсь, какъ на себя; возьми егерей и поди до рва, узнай, гдѣ мы теперь съ колоною стоимъ». Я думалъ, что лучше просьбы его послушаться нежели дожидаться приказанія, пошелъ; однакожъ сказавъ ему: довѣренность очень велика сдѣланная мнѣ отъ васъ, но ежели пропаду, то не въ своемъ мѣстѣ. Онъ послѣ сказалъ, что «если крѣпость возьмемъ и останемся живы, то вдвое и награжденъ будешь». Перекрестясь и пошелъ я къ принцу Филипптаю (и онъ былъ послѣ раненъ), который былъ впереди съ стрѣлками, у него взялъ трехъ егерей и пошелъ ко рву. Егерей для того я взялъ, чтобъ по ихъ назадъ, какъ пополазу, колону свою наити; клалъ я ихъ на землю въ дистанціи 20 шаговъ, и велѣлъ отзываться свистомъ. Итакъ дополазъ до рва, увидѣлъ, что бѣлется бастіонъ отъ кавальеру выкладеннаго бѣлымъ камнемъ, оной былъ отъ нихъ по лѣвую сторону нашего бастіона, на который велѣно было идти, а отъ насъ по правую сторону. Тутъ еще и собака на меня забрехала, видно привязана была во рвѣ для осторожности, но и принялъ, и она замолкала, и шуму отъ Турокъ никакого на кавальерѣ и бастіонѣ не слыжалъ, вѣ слыли. Итакъ я, приполазши обратно къ своей колоноѣ, донесъ шель, что мы не противъ своего цунд-

та *), гдѣ назначено спускаться въ ровъ штурмовать, то велѣлъ онъ мнѣ вести козону съ тому бастиону. Я всю козону повернулъ наивно тихо, однакожь все штыки и дѣстины, которыя несли, застучали; но любезные Турки не проснулись до тѣхъ поръ, какъ мы уже были на контръ-эскарпѣ и стали по дѣстинамъ спускаться передній воеска въ ровъ. Тутъ они открыли свою канониду и картечьма много побили у насъ на гласефъ въ хвосту козона; а мы были уже во рву. Шефъ нашъ на гласефъ былъ раненъ уже на разсвѣтъ въ ногу, и его понесли прочь, и послѣ того умеръ въ Бизіи отъ сей же раны; мы остались доканчивать свое дѣло сами, баталіонные командиры съ егерями. Изъ резерву Троникаго вѣхотнаго полка помогъ намъ много капитанъ Воиновъ, который у той же пушки, гдѣ и я былъ, раненъ и убитъ наповалъ; жалъ, офицеръ былъ храбрый съ мужественнымъ духомъ, ибо одинъ онъ выпросился съ гранодерами впередъ у бригадира и полковника своего Хвостова. Италъ вся лишняя моя услуга отечеству пропала; ибо генералъ и шефъ Мейнобы умеръ, а далъ только мнѣ 4-го класса за храбрость Егорьевской крестъ съ рескриптомъ, да другому майору Шехонскому, которому руку Турки отрубилъ, а прочимъ изъ майоровъ ничего не дано Егорьевскихъ крестовъ.

Если бы все написать въ рекомендацію, то еще до штурма много сдѣлалъ лишняго противъ своихъ товарищей, и можно сказать спасъ всю козону и первый дѣлъ по дѣстицѣ на бастионѣ, да я же и майоромъ по арміи былъ первый, то можно бы князю Потемкину дать мнѣ и чинъ, какъ и всѣмъ давалъ при штурмѣ Очаковскомъ баталіоннымъ командирамъ. А только тѣмъ мы несчастливы, что онъ тутъ самъ не былъ.

Послѣ штурма забравши раненыхъ, конкъ могли взять, а инше остался въ Пампалѣ для излеченія, я пришелъ съ баталіономъ въ мѣстечко Оргей. Штурмъ былъ назначенъ Декабри 11-го дни 1790-го года.

Въ Оргей я былъ боленъ при смерти, уже 22 дни не ѣлъ и не спалъ; и думаю, что болящій пришелъ послѣдствіемъ голодной раны. Неовѣдая и приобщился святыхъ таинъ. Черезъ нѣсколько дней захотѣлось мнѣ арбуза, котораго я безъ ѣлки шѣлся, то есть выпилъ сокъ изъ онаго; сдѣлалась по мнѣ пережѣва, изъ жестокой горьки и гарида сдѣлалась по мнѣ лихорадка, продолженіемъ которой и

*) Бастионъ, въ который намъ должно было идти, мы съ г-мъ Мейнобомъ еще за день штурма задвигъ вершокъ осматривать и подыбливаа очель близко, такъ что по насъ изъ ружей вылали.

избавился отъ смерти, и вся гниль отъ груди и оухоль въ ноги оттинула, такъ что у меня ноги сдѣлались какъ бревна толстыя. А тогда мы пошли въ походъ изъ Молдавіи въ Елисаветградъ, гдѣ мнѣ сдѣлалось, думаю отъ дороги, гораздо легче; но лихорадку и отъ себя не отгонялъ, она у меня была ровно 9-ть мѣсяцевъ, пока всю желчь и гниль изъ меня выгнала потоми, и въ ней и никогда не лежать, ни верхомъ быть, ни на дрожкахъ, только какъ жаръ придетъ, то ложился, а оухоль изъ ногъ пропала отъ слабительныхъ порошковъ, кои я всякой день принималъ; но ѣлъ все, что захотѣлось, только понемногу, даже и кислое молоко.

Изъ города Елисаветграда весною мы пошли въ Польшу и расположились по Дибетру всѣ четыре баталіона, содержали кордонъ, не пускали бѣглыхъ солдатъ и мужиковъ на ту сторону. Сіе было лѣтомъ. Мнѣ досталось стоять въ самомъ дурномъ мѣстѣ, между каменными горами, въ мѣстечкѣ Ушицѣ; а потомъ, какъ сдѣлалась конвѳидерація въ Польшѣ и потомъ реконвѳидерація подъ предводительствомъ графа Потоцкаго Щенскаго, то меня съ баталіономъ командировали для прикрытія его особы и всѣхъ членовъ; ибо графъ Потоцкой былъ намъ преданъ (и еще былъ полкъ конной, полковника Глазенапа). Въ Дубнахъ мы и содержали карауль, гдѣ и контракты Польскихъ дворянъ были. Оттуда пришелъ я зимовать въ мѣстечко Николаевъ князя Черторискаго, гдѣ случилась жестокая буря или, лучше сказать, вихрь, что всю конюшню поваляло, и много лошадей у меня моихъ и баталіонныхъ передавило; однакожь на покушку казенныхъ лошадей отпустили мнѣ по свидѣтельству денши. Забылъ я написать: какъ я зимовалъ въ мѣстечкѣ Муроманыхъ Куріловцахъ съ баталіономъ, было страшное землетрясеніе съ шумомъ и продолжалось 5 минутъ (передъ войною съ Позлаками, землетрясеніе было 1793-го года Новбра 27-го дня). Оттуда насъ два баталіона—2-й подъ командою приміеръ-маіора Шармана и мой 3-й того жъ корпуса пошли къ Каменцу-Подольскому, чтобъ его взять, ибо тамъ были конвѳидераты. Какъ туди въ городъ Каменецъ господинъ Золотвицкій пріѣхалъ, то мы взяли крѣпость безъ урону. Сей намъ и ключи вынесъ отъ крѣпости 793 года Апрѣля 21 дня и отдалъ полковнику Зубову, который командовалъ нами авангардомъ; онъ съ позволенія господина Дерфельдена съ ключами и съ полною редиціею поѣхалъ къ Государынь. Дерфельденъ приказалъ и мнѣ ѣхать съ нимъ же. Мы поскакали на почтовыхъ, пріѣхали къ генералу ишшеву Кречетникову, тогда главному надъ нами начальнику, который отпривилъ насъ въ Петербургъ, куда мы съ Зубовымъ Николаемъ Александровичемъ пріѣхали Мая 1-го дня 793 года рано. Всемилостивѣйшии Государыни очень была довольна, что

безъ пролитія крови ваяли крѣпость Каменецъ-Подольскую: Зубова пожаловала въ генераль-маіоры, а меня именнымъ повелѣніемъ въ подполковники, и старшинство отдала, которое у меня проинадало по драгунской службѣ, какъ былъ пять лѣтъ на Кавказской линіи. И такъ и стать считаться въ подполковничьемъ чинѣ съ 788-го Іюля 14 дня.

Изъ Петербурга графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ позволялъ мнѣ захватить на двѣ недѣли въ Москву. Тутъ я съ женою Настасіею Ивановною поѣхалъ одну недѣлю, да къ матушкѣ Дарьѣ Трофимовнѣ въ Арзамасъ съѣздили; тамъ 4 дня жилъ; и проѣхавъ съ ними обратно уѣхать служить съ своимъ баталіономъ, которой зимовалъ тогда въ мѣстечкѣ Николаевѣ.

На другой годъ сдѣлалась революція въ цѣлой Польшѣ, и нашихъ много прошло въ Варшавѣ; то генераль-поручикъ Дерфельденъ и велѣлъ мнѣ съ баталіономъ скорѣй идти перенять бригаду Польскую, которая хотя присягала на вѣрность намъ, но, взбунтовавшись, ушла на копяхъ. Уже она сражалась на дорогѣ съ ротами Екатеринославскаго гранодерскаго полка, и потянулись Поляки къ кордону Цесарскому. И тотъ часъ сколько у меня было по близости ротъ (ибо тогда еще стояли по квартирамъ) собрать до 160 человекъ егерей, приближалъ съ ними, чтобъ ихъ перенять, но всѣхъ не захватилъ, а только до 30 человекъ Поляковъ въ плѣвъ взялъ со оружіемъ, съ лошадьми и аммуниціею, которую они везли на подводахъ, безъ малѣйшаго урону, и все это представилъ къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, ибо онъ уже былъ у насъ главный начальникъ и жилъ въ Лабунѣ. Въ этомъ маломъ походѣ я егерями очень былъ доволенъ, что они охотно въ двое сутокъ сдѣлали болѣе 100 верстъ переходу; правда, что многіе стерли ноги отъ того, что болота переходили прямо.

Здѣсь нѣкоторую диковинку вамъ скажу. Проводилъ меня вель черезъ плотину. Пришли двѣ дороги, онъ меня повелъ было лѣвѣю, а гдѣ ни взялся селезень, то есть утка дикая; увидѣвъ я, что она по дорогѣ приближала направо и я подумалъ, что это Богъ намъ далъ спутника или проводника лучше нежели Жидъ, который можетъ и обмануть. Такъ и вышло, что если бъ я не пошелъ по той дорогѣ что селезень показывалъ, то бъ ни одного конфедерата не видалъ; ибо Поляки все тамъ бѣжали и къ той сторонѣ, куда селезень намъ показывалъ. У тѣхъ конфедератовъ я отбилъ 12 человекъ гранодеръ, конкъ они обобрали, Екатеринославскаго полка, какъ дрались съ Булгаковымъ полковникомъ. Пѣшые объявили мнѣ, что у той бригады Польской былъ командиръ маіоръ Вишковской, коего чуть было я не захватилъ самого уже на

Цесарской границѣ. Послѣ мнѣ велѣно идти съ двумя баталіонами, 2-мъ и 3-мъ къ мѣстечку Дубенъ, гдѣ съ Костюшкою пхъ предводителемъ была баталія у нашего полковника Пальменбаха. Оной Пальменбахъ тамъ и убитъ на батарее.

Туда пріѣхалъ изъ Петербурга командовать авангардомъ генераль-майоръ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, а весь корпусъ былъ подъ начальствомъ генералъ - поручика Дерфельдена. Отъ Дубенъъ зачали имѣть малыя сшибки съ Поляками, и по большей части дрались только казаки и егеря, подъ командою моею до самаго города Хелма, гдѣ они все собрались подъ начальствомъ трехъ генераловъ и намъ дали баталію. Тогда я былъ посланъ съ двумя только ротами для занятія лѣса, мимо котораго должно идти 1-й и 2-й линіи; тутъ мнѣ и досталось вѣсѣхъ горячѣе; ибо не знали мы, что въ лѣсу были отъ нихъ поставлены пушки и скрыты за засѣвою. Какъ я сталъ входить въ лѣсъ перепалкою ружейною съ ихъ егерями въ, то вдругъ они по мнѣ выстрѣлили картечами, убили одного офицера и 16-ть егерей и многихъ ранили; хорошо, что я вразсыпную съ егерями шелъ. Тогда Зубовъ, услышавъ, что у меня идетъ порядочная свалка, прислалъ ко мнѣ и остальныхъ егерей моего баталіона; съ ними уже я началъ заходить во флангъ батареи, чтобъ оную и взять на штыкахъ, но они штыковъ не любятъ, ушли; а пушки увезли на лошадахъ до дорогъ. Однакожь я много взялъ въ плѣвъ раненыхъ солдатъ и косеперовъ, то-есть которые только съ косами были противъ насъ, изъ мужиковъ набранные; и такъ прошелъ уже лѣсъ съ мазою перепалкою. Кончилась баталія; я получилъ благодарность за усѣхъ, что линію 1-ю и 2-ю избавилъ отъ картечи, а на себя все это обратилъ: ибо они бѣ изъ лѣсу стрѣляли вдоль нашихъ линій по фронту, и за то послѣ Государыни пожаловала меня въ полковники. 794 Мая 28-го. Въ день Троицы Святой баталія была; а Военная Коллегія помѣстила меня въ комплектъ указомъ въ Новгородской полкъ, который тогда находился въ корпусѣ генералъ-поручика Ферзена, противъ Костюшки; но генералъ Дерфельденъ меня туда не отпустилъ, а велѣлъ сію кампанію до окончанія прослужить съ егерскими двумя баталіонами, 2-мъ и 3-мъ подъ командою его.

Такъ я и остался въ томъ же корпусѣ командиромъ надъ двумя баталіонами, надѣвши на себя только полковничій камзолъ, а мундиръ былъ егерскій. Послѣ сего, шедши къ Прагѣ, въ трехъ мѣстахъ еще съ Поляками дрались; но большаго сраженія нигдѣ не было. Въ послѣднемъ генералу Вал. Зубову и полковнику Рароку изъ пушекъ ноги драми отбило; Рарокъ въ 15 день послѣ того умеръ, а генералъ Зубовъ

остался живъ; видно, у сего вроеъ починце была. Къ штурму Праги я уже пошелъ съ своимъ однимъ баталіономъ 3-мъ, а 2-й остался съ своимъ командиромъ Шварманомъ у прикрытія генерала Зубова; ибо у него нога была отстрѣлена дротомъ, а потомъ отищена въ деревнѣ Поповѣ, въ которой онъ раненый лежалъ. Къ Прагѣ всеъ корпусъ собрался, куда прѣхалъ и графъ Суворовъ; взяли всеъ корпусъ въ свою команду. Сперва обыкновенно по его манеру теоретически штурмовать, въ лагерь шли и шли довольно, и шли ишли, а потомъ подошли близко къ Прагѣ Варшавской. И тутъ повелелъ уже въ команду генералъ-майора Ласи, у когото въ колонѣ и на штурмъ былъ. Наканунѣ штурма 23-го Октября 794 года господинъ Дерфельденъ велѣлъ дѣлать брешь-батарею, думаю, для того, чтобъ Поляковъ уверить, что еще мы нескоро пойдемъ брать ретрашементъ Прагеской; но сія фоевъ-брешь-батарея дѣлалъ мнѣ знать.

Тутъ съ однимъ своимъ баталіономъ прикрывалъ оную, когда строилъ оную артилеріи капитанъ Бѣгичевъ, а я былъ впереди на чистомъ мѣстѣ, чтобъ вылазка не случилась. Но вылазки я не боялся, а изъ 4-хъ батарей съ передняго флангу изъ укрѣпленія да во флангъ изъ за рѣки Вислы 5-ть батарей всеъ по мнѣ стрѣляли ядрами (ибо мы дѣлали брешь диемъ) такъ жестоко, что я принужденъ несъ баталіонъ разсыпать по луку и велѣлъ егерямъ лечь, а самъ одинъ остался на конѣ, Арабскою жеребцѣ, на которомъ и въ Хельскомъ сраженіи былъ и на протчихъ потычкахъ, не стоялъ ни секунды на одномъ мѣстѣ, разсѣяжалъ, чтобъ не сбавить шлы, и притомъ подыскавалъ банже, желалъ осмотрѣть, гдѣ у нихъ есть ворота. И такъ, сколько Полякамъ ни хотѣлось меня убить, но Богъ сохранилъ меня, а я своихъ егирей такимъ порядкомъ спавъ, съ конми въ головѣ колоны въ слѣдующую ночь и на штурмъ былъ 24 Октября 794 года, и съ ними овладѣлъ бастиономъ, на коемъ было большихъ 6 пушекъ; за мною и всеъ уже вошли. Тутъ ровъ былъ неглубокъ, почти все по штыкамъ взызли, то есть штыки въ валъ затыкали и на нихъ егеря ногами становились; ибо валъ былъ земляной; только много въ волчьихъ ямахъ нашихъ попадало, кон были на гласисѣ вырты. Даже до самого мосту Поляковъ колоны, а гласъ они въ узницахъ въ домы серились, то тутъ и егирямъ досталось потерять жизнь; во всю штурму Праги убито и ранено было у меня не болѣе 46 человекъ. Хвосту колоны болше досталось потерять отъ картечи, ибо они спали, какъ я привелъ колону въ самому гласису; и жъ и колоноповожатый былъ. Съ рашвару часовой спрашиваетъ по-польски «кто идзе?», а я отвѣчалъ «свои, мой коханный» также по-польски, и тотъ часъ закричалъ на штыки и дѣлать велѣлъ на валъ и бастионъ; спасибо, старя боялись меня

и любили, этия могу похвалиться. Итакъ я послѣднее сраженіе съ ними извѣлъ, а послѣ штурма Праги господишь Дерфельденъ велѣлъ мнѣ по повелѣнію графа Суворова собрать все отбитыя у непріятеля пушки, бомбы и патроны 110 разнаго калибра, и почти все повыва; съ ними отправили меня въ городъ Кіевъ, и еще для прикрытія прислали коноводъ бригадира Сабурова Острогской.

Егерской баталіонъ сдать я старшему по себѣ на дорогѣ секундъ-майору Мельникову во всемъ сполна, въ чемъ извѣлъ и квитанцію и въ командѣ отапортовать, а самъ вступилъ въ командованіе надъ баталіономъ 1-мъ Новгородскаго пѣхотнаго полку и съ нимъ баталіономъ, явившись къ бригадиру Сабурову, я прикрывалъ 110 пушекъ и 1600 человекъ пѣшихъ взятыхъ въ разныя времена. Однако съ дорогъ графъ Суворовъ изъ нихъ лутчихъ по просьбѣ Польскаго короля отпустилъ 500 человекъ, въ томъ числѣ генералъ-майора Мейна, котораго я извѣлъ во время штурма въ пѣль, и довольню штабъ и оберъ-офицеровъ. Въ дорогѣ много претерпѣли нужды отъ холоду, особенно бѣдные пѣхотные недостаточны были одеждою. Пришедши въ Бердичеву, явился у генералъ-майора Хруцова Алексѣя Ивановича, который, обо всемъ отапортовавъ графу фельдмаршалу Румицову-Задунайскому, приказалъ мнѣ занять квартиры около мѣстечка Бердичева въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ уже 2-й баталіонъ моего полка квартируетъ и пѣхотныхъ разставить по квартирамъ за приемотромъ; а пушки съ прикрытіемъ графъ Румицовъ велѣлъ отвезти въ городъ Кіевъ и тамъ отдать въ арсеналь, что было и исполнено. Тутъ я получилъ за штурмъ Праги съ рескриптомъ отъ Государыни 3-й степени Владимирской крестъ, а за прикрытіе брешъ-батареи дѣланной у Праги ничего не дали; артиллерию въ капитану Бѣгичеву за ту батарею данъ 3-й же степени Владимирской крестъ. И тогда вспомнилъ пословицу Польскую «итрига идзе до горы, а заслуга уиѣда». Признаюсь, хотѣлось мнѣ за то прикрытіе получить хоть шагъ.

Какъ на штурмъ я шелъ, то много волонтеровъ изъ свиты Зубова было, а какъ на бастіонъ съ егерями поѣлъ, то только одинъ майоръ Ширенпортъ былъ, котораго отецъ теперь во Франціи. А по взятіи уже все съ поздраненіемъ ко мнѣ явился, и цѣлехоньки, одинокъ все получили кресты. Думаю, что имъ прежде даны были въ карманы, какъ поѣхали изъ Петербурга. Все офицеры и егари мои послѣ служили противъ Французомъ, въ Итали и въ прочихъ мѣстахъ подъ командою князя генералъ-майора Выграіона, съ помощію которыхъ отъ государя императора Павла Петровича все отличные и знаки получили; ибо знали они, гдѣ и какъ открыть мѣста и напасть на непріятеля.

Бѣлокопытовъ, что у меня въ баталіонѣ поручикомъ и капитаномъ былъ, онъ и полкъ отъ Багратиона принять, будучи уже полковникомъ, а Спѣсьицовъ поручикъ тамъ же дошелъ до полковничья чина; потому и прочіе заслужили милость Императора; мнѣ только Богъ не опредѣлилъ тамъ служить. А къ тому жъ и то больно, что обиданіе мое не удалось выполнить: 18 сраженій только до числа эта не докончить, то есть отъ 1768 года по 1799-й годъ, гдѣ только нѣсколько нуль мимо ушей пролетѣло; всѣхъ баталій, сраженій и стычекъ въ три войны на Кавказской линіи 82 раза. Послѣ какъ оставшихъ Польскихъ пѣльныхъ распредѣлили по разнымъ полкамъ въ солдаты, а штабъ и оберъ-офицеровъ распустили по домамъ, у меня остались охотно служить вѣчно мнѣ два Полка; одинъ назывался Козловскій, уроженецъ изъ Литвы, а другой изъ Жмуди, имя его Федоръ, онъ же былъ и портной женской. Однакожъ они мною были взяты съ позволенія генераль-маіора Хрущова, которой распредѣлилъ ихъ въ полки и отпустилъ домой. Послѣ Козловской отъ меня въ Гроднѣ уволенъ вовсе домой, а Федоръ на мѣсто моего денщика Николая опредѣленъ служить по его волѣ въ 1-ю роту, въ Новгородскомъ полку, чѣмъ и самъ доволенъ былъ.

Во время Польской войны получалъ я двѣ вѣдомости отъ жены: первая печальная, мать моя скончалась, а 2-я радостная, жена родила дочь Софью*), то мнѣ и очень захотѣлось видѣть ее. А какъ полкъ мой началъ только что собираться въ зимнее время будучи въ квартирахъ, то я, оставивши на все подполковнику и маіору образцы, какъ шить мушкетеры и прочее, самъ поѣхалъ за позволеніемъ къ графу Руминцову-Задубаевскому, которой меня отпустилъ въ Москву на 29 дней. Туда пріѣхавши, очень былъ радъ, увидѣвши жену и съ дочерью здоровую; хотя я не люблю въ томъ виду показывать, но не меньше чувствовалъ. Изъ Москвы поѣхалъ я на гробъ матери въ Арзамасъ и къ отцу на гробъ въ село Апушку Шацкого уѣзда, послѣдній долгъ отъ сына отдать и, нишиду тамъ отслуживъ, возвратился назадъ въ Москву. Отпуска срокъ припелъ, поѣхалъ въ полкъ и остальные мѣсяцы зимы и весны въ полку всѣ части отъ революціи разстроеныя исправить; обозъ, упряжь, людей одѣтъ, лагерь новый въ Москвѣ купить, офицеровъ нарядить, какъ быть должно; ружья исправить починкою, а вѣкоторыя новыми переменить, солдатъ учить поодиночкѣ, а лѣтомъ всѣми маневрами и тому жъ господину генераль-маіору Хрущову полкъ во всей формѣ показавъ, какъ должно быть ему; за что и благодарность получалъ съ большимъ удивленіемъ его, что въ короткое время полкъ весь исправился.

*) Впоследствии супруга Фавста Петровича Маврошевскаго. П. Б.

А потомъ какъ Бреславская губернія открывалась, велѣли мнѣ маршировать въ городъ Винницу, въ команду генераль-маіора Берхмана Федора Федоровича, онъ же былъ и губернаторъ послѣ открытія губерніи. Зимовать я уже остался въ мѣстечкѣ Брашовъ графа Потоцкаго и на весну состоялъ въ непосредственной командѣ фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова Рымникскаго, у котораго моего полку на караулъ были люди 4 раза. А какъ лѣто настало, то послали меня съ полкомъ рыть Овидіопольскую крѣпость близъ Чернаго моря противъ Акермана и 35 верстъ отъ Одессы. Хотя и горько было, однакожъ повелѣніе надо было исполнить; можетъ быть, за то меня Тищенко и Мандрыкинъ, находящіеся при немъ, и услали, что я имъ мало кланялся, и графа Суворова разговоры съ солдатами по его манеру не хотѣлъ какъ сорока наизусть выучить: судить, что уже въ полковничьемъ чинѣ не слѣдуетъ быть переговорщикомъ словъ чужихъ, а можно содержаніе полезныхъ правилъ растолковать и самому. Однакожъ послѣ и былъ доволенъ. Въ генеральномъ лагерѣ у графа все полки дѣлали крѣпость для ученія ихъ, и какъ брать ее было показано ученіемъ операционнымъ отъ графа Суворова, а за работу ничего не получилъ; а я съ полкомъ сдѣлалъ настоящую крѣпость, и мои солдаты каждый день брали деньги, а всего получили болѣе трехъ тысячъ рублей. Съ ними и я отъ скуки просиживалъ на работѣ, и офицерамъ дежурнымъ рассказывалъ все крѣпостныя части, гдѣ и какъ они по правилу фортификаціи называются, дабы они и сами чрезъ то о укрѣпленіяхъ крѣпостныхъ познаніе пріобрѣли для пользы службы.

Ко мнѣ туда и къ прочимъ полкамъ и графъ Суворонъ пріѣхалъ и осматрѣлъ поле въ стройности, движеніяхъ и стрѣльбѣ, по большей части училъ такимъ манерамъ, которые ближе подходятъ, какъ точно сражаемся съ неприятелями. Послѣ окончанія смотровъ далъ мнѣ быть по имашному ея величества повелѣнію другой полкъ Ладожской бригады Шинкова, и велѣно изъ двухъ одинъ составлять, думать надо, по представленію графа Суворова Рымникскаго. Итакъ уже одна рота состояла изъ 212 человекъ рядовыхъ; слышно было и тогда, что мы готовились идти съ графомъ Суворовымъ противъ революціонныхъ Французовъ.

Я пришелъ съ симъ большимъ полкомъ зимовать 795-го года въ мѣстечко Польское Монастырище, пана Яблоновскаго, въ которомъ какъ по кончинѣ императрицы наследникъ Россійскаго престола государь императоръ Павелъ Петровичъ принялъ правленіе государетва, и съ полкомъ своимъ Новогородскимъ и присягу учинилъ; а къ началу весны и шефъ пріѣхалъ, генераль-маіоръ графъ Шенбекъ и вступилъ

въ командованіе оного, чрезъ недѣлю пошелъ въ походъ, въ городъ Эленсбъ, гдѣ уже и полкъ отъ меня принять. Только страшный человѣкъ воть Шейбекъ! Не хотѣлъ ничего стараго заведенія по полковничьей инструкціи ни знать, ни слышать, ниже книгъ съ документами имѣть, а говорить: «то что и теперь вижу на людяхъ аммуницію какъ мундириую такъ и оружейную, это я у васъ на время *позаималъ* (значить *анималъ*, слово Польское), сибо все противъ устава не годится». Онъ былъ въ Польской конной службѣ и ничего не зналъ пѣшаго строю, а думаю и коннаго тоже; и командованіи 7 мѣсяцевъ, весь полкъ разстроилъ, даже офицеры зачали драться противъ его квартиры; а мнѣ велѣлъ жить при своей ротѣ въ деревнѣ. А именно капитанъ Ширай и Зегеръ подрался, и какъ прѣхалъ къ намъ инженеръ, Бекленовъ Александръ Андреевичъ, не могъ надѣяться его беспорядкамъ и до него ничего у меня не принимать, кромѣ числа пѣхъ чиновъ. Уже господинъ Бекленовъ ему растолковалъ, что надо во все войтить и принять все противъ стараго штата отъ полковника, однакожь и тутъ послѣ его только одинъ обозъ пришелъ да упрязь и всѣ вещи какъ на людяхъ, такъ и въ цехазузахъ, а лошадей полковыхъ онъ уже принималъ отъ обантешей, ибо они отъ меня жарналку ихъ еданы были при судьныхъ того города. Въ суммахъ же денежной расчетъ я имѣлъ въ квартирмейстерской съ квартирмейстеромъ, а въ комиссарской или жалованной съ комиссаромъ, въ офицерской со всѣми офицерами, въ церковной съ попомъ, и по расчетъ и удовольствіи я отъ нихъ получилъ въ каждой суммѣ особая квитанціи; а господинъ шефъ мнѣ далъ только отъ себя квитанцію въ пріемъ людей, вещей, обоза и упряжи, а книгъ старухъ и не хотѣлъ брать, и потому они для отчету хранились у меня до города Гродненка въ сундукъ; а оттуда по счетъ послаша по почтѣ, для того дабы генералъ Шейбекъ на меня не запуталъ лишнего.

Сей генералъ удивительно счастливъ въ милости Государя Императора: какъ война противъ Франгузовъ открылась и полку его досталось идти въ походъ, онъ въ отставку пошелъ и получалъ мундиръ и пенсію, а какъ полки послѣ войны назадъ пришли, оной генералъ Шейбекъ опять въ службу принять генералъ-лейтенантомъ и далъ ему полкъ; видно, подѣ счастливою планетою родился.

Оставамъ писать о другихъ, надо докончить о себѣ. Досталось и мнѣ быть по званіи генераломъ-майоромъ въ 1797 году, и далъ мнѣ полкъ Муромской пѣхотной же, которой стоялъ тогда въ Гроднѣ на рѣкъ Наманѣ, что отдѣляетъ границу нашу съ Прусской, куда я по ученіи въ церкви присяги на чинъ генералъ-майорскій и отправился, обозу жъ своему велѣлъ слѣдовать потише, а самъ поскакалъ налегкѣ на почторгахъ.

Въ полкъ я прѣхалъ 798 года Генвара 2 дня и на другой день рапорты послалъ къ Государю и въ Военную Коллегію, и въ инспектору князю Николаю Васильевичу Репнину; а полкъ нашелъ въ жалостномъ состояніи. Полковой командиръ майоръ Бріере-Демортере боленъ, другой слабъ здоровьемъ, у третьяго лѣвъ, корпусъ офицеровъ и хорошъ, да очень по своей воли живутъ безъ дисциплины, и почти все роты по деревнямъ разбиты, не выучены, ружья переломаны, все объ землю дабы темнѣ былъ нелицавъ, обозъ ветхой, упряжь старая, гнилая, въ ящикахъ патроны не передѣлана, а штычи и въ дуло не лѣзли, у солдатъ и запасныхъ кремней не было, 4-я часть только одѣта была по новому, и все такое, что было, замазано, а непрочно сдѣлано. У меня и о сю пору есть та вѣдомость, которая подана мнѣ отъ подполковника того жъ полку Павлова, послѣ его осмотра всехъ ротъ, въ какомъ состояніи я полкъ Муромской нашелъ. Государь Павелъ Петровичъ какъ въ Гроднѣ изволилъ быть, разводы давали хорошіе и все прикрыли добрыми словами, за что шефу бывшему до меня въ полку генераль-майору Мерлину, по протекціи князя Репнина, и лента Анненская 1-й степени дана, да при отставкѣ мундиръ получилъ; а я бѣдной человекъ чрезъ восемь мѣсяцевъ не видалъ ни часу покойнаго дня. Для сооруженія онаго во всемъ противъ штату собралъ всехъ въ Гродно для обученія къ пользѣ службы по уставу, сперва каждаго прикладываться цѣльно, стрѣлять поодиночкѣ съ порохомъ и съ пулями, а потомъ дивизіонами въ щитъ стрѣлять училъ и ружья исправилъ, такъ что рѣдкое осѣбалось (времени кушилъ изъ за границы чрезъ Жидовъ), словомъ, во всемъ исправилъ и у пушекъ колеса починилъ; а репортано, что артилерія исправна. Но отъ того и сталъ ненавиденъ господину викарному инспектору *) генераль-майору Савену 1-му. А какъ сдѣлалась у меня исторія съ моимъ адъютантомъ Даниловымъ, который меня оклеветалъ въ своемъ отвѣтѣ, въ то время какъ его судили, то онъ господинъ инспекторъ и былъ ему радъ, что нашелъ оказію мени передъ Императоромъ замарать и оклеветать безсовѣтно, почему Государь, пошля ему какъ доброму и вѣрноподданному и какъ инспектору, изъ полку выключилъ.

Вотъ какъ безвинно можно пропасть человеку честно служившему, и какъ можно опять виноватыхъ спасти! Примѣръ здѣсь объясню свѣжей памяти. Господинъ генераль-адъютантъ Аракчеевъ былъ присланъ инспекторомъ осмотрѣть полки все, кои придуть въ Брестъ и

*) Ибо тогда князь Николай Васильевичъ посланъ былъ отъ Государя въ Прусскому городу по некоторымъ дѣламъ тайнымъ въ кабинетахъ.

неступить въ команду генерала барона Розенберха. Аракчеевъ почти всё полки нашеть несооруженные во всемъ по новому штату. Изъ нихъ чрезъ Гродню, гдѣ я квартировалъ, шли два полка Тартова и Ферште-рри; оба были неисправны, какъ въ одеждѣ людей, такъ и въ обозѣ и прочемъ, я самъ то видѣлъ, да и о прочихъ спрашивалъ у адъютанта Аракчеева, который чрезъ Гродню ѣхалъ въ Петербургъ; отвѣчалъ мнѣ: «всѣ таковы пришли въ Брестъ», а господинъ Аракчеевъ репортовалъ къ Государю, что всѣхъ въ точной исправности нашеть». Императоръ по его словамъ и благоволеніе всехъ шефамъ тѣхъ полковъ при паролѣ объявилъ.

По выключкѣ моей изъ полку, отъ Государя присланъ у меня полкъ принять и осмотрѣть генералъ отъ инфантеріи Ласій; онъ же бывъ инспекторомъ той дивизіи; а какъ полка моего всё денежные суммы и всё части, равно лошади, упряжь и обозъ были на рукахъ полкового командира и во всехъ по новому штату исправны; то и не трудно было мнѣ сдать его скоро. Генералъ Ласій поутру осмотрѣлъ всѣхъ людей съ ихъ оружейною и мундирною амунициею со всехъ ихъ бутаромъ^{*)}, что положено имѣть, спрашивалъ по-ротно, все ли получили, что имъ слѣдуетъ, а послѣ обѣда обозъ, упряжь лошадей и прочія вещи; ничего не нашеть недостаточнымъ или недопущеннаго въ ротахъ не нашеть. На другой день оба мы простась разъѣхались; я поѣхалъ въ Москву, заглававши горькими слезами, что труды мои были сдѣланы для другого шефа, и что такъ безсовѣстно обнесеть Государю, а Ласій поѣхалъ по другимъ полкамъ своей инспекціи.

Пріѣхавши я въ Москву, лошадей и прочія излишнія вещи рас-продать почти за безцѣнокъ, чтобъ купить скорѣй домъ, ибо гдѣ жена моя жила тамъ очень тѣсно. По ея выбору и совѣту я домъ купилъ на Малой Дмитровскѣ въ приходѣ святаго Именна Чудотворца... И тутъ не въ добру шло. Жена моя, поживши ласково до тѣхъ поръ, пока у меня велась дежонка, а какъ ихъ не стало, то моихъ людей кормить и одѣвать и содержать домъ отказалась; я изъѣла за собой 200 душъ дан-ныхъ ей во время моей службы; за какія жь отличныя дѣла, о томъ Богъ знаетъ. Вотъ и любовь простыла, и домъ сталъ противенъ. Нако-нецъ уѣхала изъ него, шавши себя другой, увезла дочь и все свое имѣніе. Хотя бы тѣми вещами подвизалась, что на новоселье анагомые прислали; но ей тогда и въ голову не пришло. Вотъ каково быть безъ протекціи и небогатому человеку! Законъ и клятвы сдѣланныя предъ престоломъ Божиимъ капризная дама ставить ни по что, особливо слу-чайная при дворѣ.

*) Бутаръ—козья вещь, хлѣвъ, отбросы. П. Б.

И такъ я остался одинъ безъ службъ его величества, безъ жены и безъ доходу, и потомъ и безъ дому. И послѣднее имѣніе отнявъ, наклеветавши на меня долагу отъ бывшаго полку (сіе узнавать я уже въ Бронницѣ), а наконецъ вѣднѣ мнѣ выѣхать изъ Москвы вонъ; только что глаза не выколоти, какъ съ Велизаремъ случилось, ибо исключеннымъ не вѣднѣ жить въ столичныхъ городахъ. Принужденъ былъ ѣхать, забравши свой походной экипажъ. Благодарнымъ швсегда буду Степану Александровичу Талызицу: онъ позволялъ мнѣ на нѣкоторое время пожить въ своей деревнѣ Денежниковой, отъ Москвы разстояніемъ въ 45 верстахъ; своего жъ имѣнія у меня нигдѣ нѣтъ. А потомъ переѣхалъ въ городъ Бронницу, тамъ нанялъ себѣ комнату за 10 р. у протопопа, гдѣ и жилъ до самаго лѣта, обѣдавши всегда у добрыхъ людей, у подполковника Эссена и у прочихъ живущихъ такъ. Въ сей перемѣнѣ жизни моей можно сказать совершенно горестной, но для блаженства души, чтобъ достойной быть милосердія Божія, Его покровительства и чтобъ чрезъ терпѣніе отъ разныхъ бѣдъ восчувствовать и больше любовь и вѣру къ своему Создателю всемогущему, живому Богу, сіи пережвѣна сдѣлала мнѣ великую пользу, какъ приготовляться къ вѣчной жизни, такъ и продолжать въ настоящей. Къ поддержанію духа моего, зачалъ и впервыхъ читать божественныя книги, законы отъ Бога данныя избраннымъ Его, то-есть ветхой и новой благодати Сына Божія Иисуса Христа. Еще книга къ объясненію и утверженію вѣры христіанской отъ Іоанна Златоуста Маргаритъ, отъ Дениса Ареопажита, отъ Стевана Яворскаго, Ризанскаго митрополита, *Камель Вѣры* при имп. Петрѣ Первомъ изданную, и старую книгу *Скрижали Господни*, изданную къ объясненію службъ въ храмахъ Божіихъ, и о прочихъ прашахъ, писанныхъ отъ митрополита Александрійскаго къ Антиохійскому, и еще другія что могъ купить и достать, а потомъ прочелъ Библію уже на Французскомъ языкѣ, и шилъ на ономъ языкѣ шесалныя. Благодарю Бога, что имп. награжденъ Его жъ несповѣдимымъ Промысломъ. Генералъ Валерійъ Александровичъ Зубовъ до шестисотъ книгъ мнѣ далъ, тогда какъ я былъ у него въ командѣ. Прочиталъ я на Французскомъ языкѣ жизни всѣхъ славныхъ людей и предводителей арміи во время войнъ Римлянъ съ Каролингцами при Амьбаль и прочихъ, жизнь несчастнаго Велизарія; жизни и поступки Карла 5-го Гиншанскаго, короля Людвига 14-го Французскаго, принца Евгенія и Мальбурга, историческіе атласы съ ихъ примѣчаніями, во всѣхъ сѣбѣ разныя воляжи по земному шару и моряхъ, черниску Французскаго королѣ съ генералами и всю географическую таблицу на Библію и хронологію съ истолкованіемъ; а шуще всего радъ былъ, что нашеть, откуда Мелхиседекъ первосвященникъ Божій и почему остался безроденъ какъ

объясняетъ въ богословіи книга, данная отъ митрополита нашего Платона императору Павлу Петровичу во время бытности учителемъ, для объясненія вѣры. Еще на Русскомъ читавъ всю жизнь и славныя дѣянія для пользы Россіи отца отечества великаго императора Петра I-го и его анекдоты, также и поступки Шведскаго короля Карла XII-го, съ которыхъ страшная война была. Разныя книги, писанныя о заблужденіи раскольниковъ по разнымъ сектамъ для объясненія отъ митрополита Ростовскаго Дмитрія *Розыскъ* и его въ трехъ томахъ проповѣди, отъ архіерея Шикшора пѣз Гревонъ. И пѣз каждой книги какъ Русской, такъ и Французской все замѣчанія моея руки, по листамъ во время чтенія сдѣланныя карандашомъ, выписывалъ въ особливныя тетради, выбиралъ пѣз оныхъ замѣчанія самыя полезныя для наставленія ближняго и поправленія себя въ настоящей жизни и въ будущей по чувствамъ своимъ разныхъ недостатковъ; ибо человеку нехудо знать разныхъ удогъ и расудковъ добро и зло. Но не всему послѣдовать надлежитъ, а избирать наилучшее и полезнѣйшее, согласуясь съ обычаями земли гдѣ живешь и временехъ.

Но чтобъ не потерять глазъ отъ безпрестаннаго чтенія и для здоровья, иногда я прогуливался по полю и по берегу рѣки Москвы, ибо сія рѣка недалеко свое теченіе имѣетъ отъ Бронницы; и вѣрѣю же львомъ въ ней купался. Потомъ еще побѣхалъ на гробъ отца моего въ село Абушку, гдѣ прежде во время службы былъ, захвативши сперва къ тетѣ моея Елизаветѣ Петровнѣ Мосоловой, живущей въ своей деревнѣ той же Тамбовской губерніи. На гробъ отца моего отпѣли соборомъ панихиду; ибо тамъ церковь престола, во имя образа Казанской Богоматери, имѣетъ при себѣ для служенія литургіи 3 пова по очереди, гдѣ я слушалъ обѣдню, а потомъ она въ возвратилась въ деревню къ тетѣ. Она просила у себя пожить, а чтобъ не такъ скучно мнѣ было тамъ, подарила мнѣ двухъ ястребовъ для ловленія перенелокъ, ибо въ той странѣ ихъ очень много. И такъ, во время житія моего у ней, я сими ястребами загравилъ въ поляхъ слишкомъ 100 перенелокъ.

И какъ императоръ Павелъ I-й насъ простилъ и позволилъ всемъ исключеннымъ пріѣхать въ Петербургъ желающимъ вступити попрежнему въ службу: то я оттуда, на другой день собравшись, пустился въ путь, но пріѣхавши въ заставу Москвы, къ удивленію моему спрося, что я таковъ, повезли меня подъ карауломъ къ коменданту, который велѣлъ мнѣ явиться въ 8-мь часовъ у графа Ивана Петровича Салтыкова, бывшаго тогда въ Москвѣ военнымъ губернаторомъ, что я и исполнилъ; а графъ уже далъ мнѣ подорожную до Петербурга.

А тѣ перепелки, что назовишь я истребомъ, раздѣлять пополамъ: 50 отдашь своей дочери, а другія 50 штукъ благодѣтелю своему Степану Степановичу Аправину.

Съ дочерью въ слезахъ простился, Анастасья Ивановна не видать; ибо съ генералами мертвымъ или, лучше сказать, мужемъ бѣднымъ и несчастнымъ нѣту чести повидаться. И не показався мнѣ! Поскакала въ Петербургъ. Тамъ у воротъ спросилъ меня, зачѣмъ прѣбываешь? Отвѣчалъ и караульному офицеру: для опредѣленія въ службу, выполняла надъ нами милостивой указъ; офицеръ объявлялъ мнѣ тотчасъ ѣхать ко двору и во дворцѣ явиться у коменданта Ефимова; точно такъ я и сдѣлалъ. На съ таковыхъ въ тотъ день случилось пять человекъ. Съ зинискою объ насъ пошелъ комендантъ къ Государю и, вышедши, велѣлъ намъ явиться завтра въ 8-мъ часу поутру въ ординарскую; туда мы точно и собрались. Палачъ-адъютантъ мнѣ первому объявлялъ, что принять въ службу отъ воли Государя мнѣ не послѣдовало, а жить въ Петербургѣ для нуждъ своихъ не воспрещается; прочихъ же сталъ записывать, когда и за что исключены или отставлены. Признаюсь, присорбно душѣ моей было, что я не сдѣлался участникомъ милости его императорскаго величества.

Жилъ въ Петербургѣ еще двѣ недѣли, совался по знакомымъ, спрашивалъ, что мнѣ дѣлать и былъ у графа Петра Алексѣевича Пазена, бывшаго въ то время въ Петербургѣ военнымъ губернаторомъ, въ слезахъ объяснялъ все мое положеніе, что я не имѣю пропитанія, и печаль, что не удостоился войти въ службу. Онъ мнѣ совѣтъ дать подать къ Государю письмо еще о принатіи въ службу или объ отставкѣ, какъ-де и прочіе получили послѣ отказу. Я то и исполнилъ, самъ письмо отвезъ на почтовой дворъ и росписался въ книгѣ. Содержание письма было короткое, самъ генералъ Кутузовъ-Годенщевъ оное поправилъ. Но со мной вышло еще хуже: послѣ поданія письма чрезъ три дни подхватилъ меня молодой полиціймейстеръ князь Касаткинъ и привезъ на гаубвахту, арестовалъ меня, сказавъ «что есть на то повелѣніе отъ Государя» и, не сказавъ за что, оставилъ меня въ караульнѣ; послѣ сего комендантъ Ефимовъ прислалъ у меня спросить «за что я арестованъ». Отвѣчалъ: не знаю. И такъ пробылъ я ночь арестомъ двѣ недѣли, и теперь не знаю, за какую вину; а можетъ быть и Государь самъ того не видать. По прошествіи срока, ибо комендантъ Ефимовъ, пришедши въ караульную, мнѣ объявилъ повелѣніе Государя, что я арестованъ только на двѣ недѣли (и подлинно, послѣ сего срока онъ же мнѣ и вину принесъ) и шагу не ступить. А какъ отдали мнѣ шагу, тотчасъ пошелъ я къ Пазену, но оберъ-полиціймейстеръ Анлещевъ не допустилъ

насъ видѣть графа Палея, хотя къ нему и многіе приходили. Дали мнѣ дорожную до Москвы и велѣли тотъ же часъ выѣхать за шашкомъ.

И такъ я 1801 года Февраля 6 дня прѣхалъ въ Москву, явился въ томъ же несчастномъ положеніи къ графу Ивану Петровичу Салтыкову, который мнѣ далъ дорожную до заштатнаго города Бронницы, гдѣ остались мой походный экипажъ и два человѣка.

Забытъ я написать, кто были мнѣ товарищи арестованные. Въ той же бордегардіи сидѣли генераль-лейтенантъ Стоиновъ, въ тотъ же день взятъ былъ подъ арестъ полковникъ Млорадовичъ, штабель-капитанъ Шиловскій и хорунжій казачій, забытъ какъ зовутъ. Они уже давно тамъ сидятъ, никто ихъ и не судитъ и не спрашиваетъ, хотя отъ Государя и приказано изслѣдовать скоро ихъ вину. Но обыкновенно въ несчастномъ положеніи люди забываютъ другихъ, все страдаютъ отъ разныхъ несчастныхъ приключеній, а мнѣ кажется везую рану или несчастье надлежитъ приложить самому къ себѣ: то вѣрно скорѣй и справедливо посудишь и рѣшишь. На Государя никому жаловаться нѣтъ резону, а несправедливости или неудовольствія другимъ выходить отъ господъ окружающихъ Его Величество. Счастье тотъ царь или король, у коего приближенные министры и прочіе должностные люди при немъ находящіеся добродѣтельные люди и безкорыстные; у тѣхъ вѣрно поданные въ благоденствіи и изобиліи живутъ. А у насъ умѣютъ только жаловаться, а о справедливости къ пользѣ отечеству и славы Его Императорскаго Величества мало кто имѣетъ смѣлость изъяснить. Рѣдкаго достоинства былъ сенаторъ во время жизни Петра Перваго князь Долгорукій Яковъ Федоровичъ, который имѣлъ истинную къ Богу вѣру и привязанность къ отечеству, говорилъ съ Императоромъ о правдѣ съ твердымъ духомъ, что было ему и отечеству полезно, не боялся даже смерти, о немъ вся Россія съ почтеніемъ вспоминаетъ.

Въ 1801-мъ же году, живши я въ Бронницахъ, услышалъ отъ протопопа Илліи Константинова, гдѣ квартировалъ, 16-го числа Марта мѣсяца, что Государь Павелъ Петровичъ скончался въ 11-й день Марта. Тутъ я удивился Промыслу Божию и сву что я видѣлъ того же числа (записанъ оной въ Пезатырь), который былъ слѣдующаго содержанія, будто палили изъ пушки очень большой, что оной выстрѣлъ слышенъ былъ во всей Имперіи, и я во свѣ слышалъ ту стрѣльбу и проснулся.

По извѣщеніи на другой день присяги новому государю императору Александру Павловичу писать я письмо къ графу Ивану Петро-

вичу Салтыкову, чтобъ мнѣ позволить въ разсужденіи таковой перемены ѣхать еще въ Петербургъ и искать справедливости, который мнѣ и отвѣчалъ письмомъ же, что уже всѣхъ оставшихъ и исключенныхъ Государь императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ указомъ именнымъ считать оставшими, и потому могу и прѣхать въ Москву и взять свои дѣла. Почему и на другой день отправился въ Москву и оттуда по совѣту его сіятельства поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, представившись къ Императору, объявилъ свое желаніе письменно чрезъ генерала Дамба, вице-президента Военной Коллегіи, которое было слѣдующаго содержания: «Послѣ 33 лѣтъ въ полкѣ службы почти въ безпрестанной войнѣ сверхъ баталій, и бывъ на трехъ штурмахъ, гдѣ и раненъ, имѣю отъ роду 51 годъ, еще охотно служить Его Императорскому Величеству, желаю, только съ тѣмъ чтобъ отдать мнѣ старшинство». Уже и не думалъ о жалованьи (тогда всѣмъ принятымъ въ службу никому не давали), но честолюбіе и слава къ отечеству принуждали меня еще служить, а Промыселъ Божій и воля Государя сдѣлали меня способнымъ въ отставку. И данъ мнѣ отъ Военной Коллегіи паспортъ съ объясненіемъ въ ономъ именныхъ повелѣній императора Александра Павловича, въ первомъ что дана мнѣ пенсія, а во второмъ, что позволено мнѣ носить обій армейскій мундиръ. Получа сего паспортъ и оправданіемъ являющимся у меня квитанціями отъ полку Новгородскаго противъ своевольнаго наклепа отъ господина Шенбека на меня долгу по дѣламъ сего полку съ объясненіемъ, отъ меня поданнымъ въ Военную Коллегію, такъ же и оставилъ мой еще рапортъ на разсмотрѣніе о моихъ претензіяхъ, на томъ же полку выданныхъ на кормъ лошадей полковыхъ и всѣмъ господамъ офицерамъ улатилъ имъ ихъ вычтенная деньги, и употребленная на покунку фуража казеннымъ лошадямъ изъ своихъ собственныхъ, коней всѣхъ приходилъ мнѣ возратить до семи тысячъ рублей. Уѣхалъ съ надеждою сею, что когда нибудь петина пойдетъ по своей тропѣ и, встрѣтившись съ Государемъ, объявитъ правду тогда оную сумму мнѣ вѣрно и отпустятъ.

У Его Императорскаго Величества былъ и на глазахъ два раза. Первой какъ представлялся, а во второй благодарилъ за пенсію и мундиръ. Тутъ же удостоенъ былъ поцѣловать ручки Государыни, его супруги Елисаветы Алексѣевны. А потомъ на переѣздныхъ по почтѣ прѣхалъ въ Москву, явился къ грѣшу Салтыкову и, отдавши въ комисаріатъ о пенсіи указъ, поѣхалъ увидѣть свою дочь Софію Сергѣевну, которую нашелъ у Настасьи Ивановны, слава Богу, здоровою. Сему порадовался, и опечалился тѣмъ, что услышалъ твердое рѣшеніе жена моей Настасьи Ивановны, которая жить со мною вмѣстѣ ни на какомъ

основания не хочеть. И такъ я съ сею тяжелою ранюю и побѣхалъ обратнѣе жить въ городѣ Бронницѣ. На то есть два резона: 1-е что еще на дождь я не получилъ резолюцій, а 2-е и дорого жить въ Москвѣ. И такъ остался въ ономъ городѣ, буду дожидаться съ терпѣннѣмъ перемѣны жизни своей, препоручивъ себя во всемъ возгъ и Промыслу всемогущаго Бога!

Въ 1803-мъ году изъ Военной Коллегіи шло рѣшеніе, чтобъ и доходы дома моего пользовался и пенсією; но только не могъ бы его ни продать, ни заложить. И такъ я изъ Бронницы переѣхалъ въ Москву со всемъ своимъ запискамъ изъ домъ свой, состоящій на Малой Дмитровка, а деньги собранныя отъ постоя дома, всего 240 руб., отданы въ Управу Банковннхъ, а оттуда представлены въ Губернское Правленіе, гдѣ и о сю пору хранятся и мнѣ не возвращены. Въ домъ пришелъ много повороченнаго, а въ другоякъ мѣстѣ изломано, заборъ же весь вокругъ дома сгнилъ; принужденъ былъ повнѣмъ обградить и въ кошенинѣ стоить прибавить для наемщинокъ; а денегъ не доставало. И такъ рѣшился весь свой сервизъ, серебряныя чашки, блюда, соусники, тарелки, ложки, ножи и вилки, шандалы большіе и лѣмберныя и прочее продать; получивши деньги, все въ домъ исправить, и потому наемщины нанял. Съ дому дохода получать 900 руб., а привѣдъ и тысячу. Зачалъ поправляться при ужьренности своей жизни, купилъ лошадей, карету, воззеску и прочія вещи, что принадлежало для дому и выѣзда, нанималъ кучера или фрейтора (ибо два только человека были большіе, а прочіе малозачтныя), зимою всегда жилъ въ Москвѣ, а мѣстомъ по знакомымъ своимъ въ деревняхъ, какъ-то: у Степана Степановича Апраксина, у Петра Крисанфовича Оболянина, у Федора Сергѣевича Лукина и у пр., гдѣ мѣсяцъ, гдѣ недѣлю, а гдѣ и двѣ недѣли. Такимъ образомъ въ спокойствіи продолжалъ я свою жизнь до 1812 года.

Въ семь году побѣхалъ и пожить въ деревню къ Степану Александровичу, генералъ-майору Талызину по просьбѣ его поглядѣть его заводъ сахарной, что онъ завелъ въ своей деревнѣ Денежниковѣ. Выѣхалъ я изъ Москвы въ началѣ Юни мѣсяца 1812 года и жилъ у него два мѣсяца съ полонинною; гдѣ услыхалъ, что Французы, не объявивъ Россіи войны, подѣ начальствомъ своего императора изверга Наполеона, уже перешли въ разныхъ колоннахъ нашу границу, а прѣмъ наша отъ нихъ ретируется, ибо у него очень много разныхъ націй войска собралось и съ нимъ идутъ Москву брать; итъ столицы же сей вѣтъ господи, кущи и мѣщане, какъ я услыхалъ, выѣхали въ дальнія мѣста, но нѣкоторые еще держатся въ Москвѣ для защиты своего отечества.

А при томъ также услышалъ, что мѣщанамъ и боярскимъ людямъ раздаются изъ арсеналу ружья, пистолеты, сабли и прочее, кои готовятся на помощь къ арміи, уже командуемой генераломъ княземъ Кутузовымъ Голенищевымъ. Почему я за стыдъ себя почиталъ остаться приажднымъ въ Денежниковѣ, оттуда выѣхалъ въ Москву и, Августа 23 дни пріѣхавъ въ оную, увидѣлъ афишки розданныя отъ военного губернатора графа Раестоичина, что будетъ набрана дружина съ разнымъ оружіемъ.

И тому и повѣрилъ, принималъ то за истинную правду, думая, что и мнѣ придется съ тою дружиною служить. И такъ въ себѣ надеждъ живу дома, дожидаясь позыву и сбору той дружины, какъ слышу вдругъ, что военный губернаторъ, комендантъ Гессе, оберъ-полковникъ Иваншинъ, полицмейстеры Волковъ и Дурасовъ изъ Москвы уѣхали и увезли съ собою всю полицію съ инструментами пожарными и со всею ея чинами. Сему очень удивился и тутъ-то узнать обманъ тѣхъ афишекъ; поѣхалъ къ Петру Крисанфовичу, управлявшему тогда главнымъ комитетомъ, и тотъ изъ Москвы выѣхать невѣдомо куды. Вездѣ нахожу пустыя дома; наконецъ встрѣся мнѣ офицеръ, скачетъ отъ Кутузова къ графу Раестоичину. Я его спросилъ гдѣ армія; отиѣчалъ мнѣ: «что армія ретируется чрезъ Москву, а можетъ быть поестъ жестокой баталіи Бородинской еще нашъ предводитель Кутузовъ дастъ баталію на Поклонной горѣ». Слышавъ сіе, пріѣхавъ домой, вѣдѣлъ, что можно забрать изъ дому, укладывать въ коляску и въ дрожки; ибо у меня только 4 лошади тогда было. И стали дожидаться въ домѣ своемъ той баталіи рѣшительной, о которой мнѣ офицеръ связывалъ.

Сіе было 30 дня Августа; жалко и теперь, что не спросилъ я его, котораго онъ полку и его фамилію; онъ же прибавилъ мнѣ и увеличилъ мою надежду, «что въ Бородинской баталіи больше потеряли Французы нежели Россійскія полка; и что Наполеонъ на другой день не осмѣлится больше насъ тревожить, и потому мы спокойно маршируемъ до Поклонной горы, гдѣ и остановимся еще поражать непріятеля».

Въ такихъ мысляхъ сидѣлъ и дома спокойно до самаго 2-го Сентября, которое число было въ Понедѣльникъ. Поѣхалъ и верхомъ узнать, что въ Кремль дѣлается и не найду ни кого изъ военныхъ чиновъ; и подлинно нашелъ, но только не команды коменданта Гессе, а изъ арьергарду г-на Милорадовича послѣднихъ казачковъ съ командиромъ ихъ штабъ-офицеромъ до 300 ч., который собиралъ ихъ изъ лагокъ, чтобъ скорѣй выдти изъ Москвы; и ко мнѣ подъѣхавъ сказывалъ, что армія наша въ минушную ночь прошла чрезъ Москву, а и-де послѣдній ретируется; и мнѣ совѣтовалъ скорѣй поѣтъ изъ Москвы уѣхать.

основанія не хочеть. И такъ я съ сею тяжелою ранюю и побѣхалъ об-
ратно жить въ городъ Бронницу. На то есть два резона: 1-е что еще
на дождь я не получилъ резолюцій, а 2-е и дорого жить въ Москвѣ.
Итакъ остался въ ономъ городѣ, буду дожидаться съ терпѣннѣмъ пере-
жидки жизни своей, препоручить себя во всемъ погъ и Промыслу все-
могущаго Бога!

Въ 1803-мъ году изъ Военной Коллегіи вышло рѣшеніе, чтобъ и
доходамъ дома моего пользоваться и пенсією; но только не могъ бы его
ни продать, ни заложить. Итакъ я изъ Бронницы переѣхалъ въ Москву
со всею своею записашемъ изъ домъ свой, состоящій на Малой Дмит-
ровкѣ, а деньги собралъ отъ пестоя дома, всего 240 руб., отдалъ изъ
Управу Баночниці, а оттуда представилъ изъ Губернское Правленіе,
гдѣ и о сею пору хранятся и жиѣ не возвращены. Въ домъ вошелъ
много поворчешншо, а въ другоякъ мѣстѣ изломано, заборъ же весь
вокругъ дома стлалъ; принужденъ былъ понимъ обградить и въ конюш-
нѣ столбъ прибавить для наемниковъ; а денегъ не доставало. Итакъ
рѣшился весь свой серпизъ, серебряныя чашки, блюда, соусники, тарел-
ки, ложки, ножи и вилки, шашлыки большіе и ломберныя и прочее про-
дать; получилиши деньги, все въ дождь испривилъ, и цотомъ наемники
жили. Съ дому дохода получать 900 руб., а приода и тысячу. Зачалъ
поправляться при ужрешности своей жизни, купилъ лошадей, карету,
поилеку и прочія вещи, что принадлежало для дому и выѣзда, нанималъ
кучера или фореятора (ибо два только человека были большіе, а про-
чій малодѣльные), зякою всегда жить въ Москвѣ, а мѣтомъ по знакомымъ
своимъ въ деревняхъ, какъ-то: у Степана Степановича Апраксина, у
Петра Крисановича Ободьяшинова, у Федора Сергѣевича Дунина и у
пр., гдѣ мѣсиль, гдѣ недѣлю, а гдѣ и двѣ недѣли. Такимъ образомъ въ
спокобствіи продолжалъ я свою жизнь до 1812 года.

Въ семъ году побѣхалъ и пожить въ деревню къ Степану
Александровичу, генералъ-майору Талызину по просьбѣ его поглядѣть
его заводъ сахарной, что онъ завелъ въ своей деревнѣ Денежниковѣ.
Выѣхалъ я изъ Москвы въ началѣ Іюни мѣсяца 1812 и жилъ у
него два мѣсяца съ половиною; гдѣ услыхалъ, что Французы, не объявля
Россіи войны, подѣ начальствомъ своего императора наперга Напо-
леона, уже перешли въ разныхъ колоннахъ нашу границу, а армія наша
отъ нихъ ретируется, ибо у него очень много разныхъ націй войска
собрадось и съ нимъ идутъ Москву брать; изъ столицы же сей пѣ
господа, купцы и мѣщане, какъ я услыхалъ, выѣхали въ дальнія мѣста,
но нѣкоторые еще держутся въ Москвѣ для защиты своего отечества.

А при томъ также услышала, что мѣщанамъ и боярскимъ людямъ раздаются изъ арсеналу ружья, пистолеты, сабли и прочее, кои готовятся на помощь къ арміи, уже командуемой генераломъ княземъ Кутузовымъ Голенщевымъ. Почему я за стыдъ себѣ почитала остаться празднымъ въ Денежниковѣ, оттуда выѣхала въ Москву и, Августа 23 днѣ пріѣхавъ въ оную, увидѣла афишки розданныя отъ военного губернатора графа Ростопчина, что будетъ набрана дружина съ разнымъ оружіемъ.

Я тому и повѣрилъ, принявъ то за истинную правду, думая, что и мнѣ придется съ тою дружиною служить. И такъ въ себѣ надеждъ живу дома, дожидаясь позыву и сбору той дружины, какъ слышу вдругъ, что военный губернаторъ, комендантъ Гессе, оберъ-полковникъ Иванкинъ, полицмейстеры Волковъ и Дурасовъ изъ Москвы уѣхали и увезли съ собою всю полицію съ инструментами пожарными и со всякии ея чинами. Сему очень удивился и тутъ-то узналъ обманъ тѣхъ афишекъ; поѣхалъ въ Петру Крисанфовичу, управлявшему тогда главнымъ комитетомъ, и тотъ изъ Москвы выѣхалъ невѣдомо куда. Вездѣ пахожу пустыя дома; наконецъ встрѣлся мнѣ офицеръ, скачущій отъ Кутузова къ графу Ростопчину. Я его спросилъ гдѣ армія; отвѣчалъ мнѣ: «что армія ретируется чрезъ Москву, а можетъ быть послѣ жестокой битави Бородинской еще нашъ предводитель Кутузовъ дастъ битаву на Поклонной горѣ». Слышавъ сіе, пріѣхавъ домой, велѣлъ, что можно забрать изъ дому, увлаживать въ коляску и въ дрожки; ибо у меня только 4 лошади тогда было. И стали дожидаться въ домѣ своемъ той битави рѣшительной, о которой мнѣ офицеръ сказывалъ.

Сіе было 30 днѣ Августа; жалѣю и теперь, что не спросилъ я его, котораго онъ полку и его фамилію; онъ же прибавилъ мнѣ и увеличить мою надежду, «что въ Бородинской битави больше потеряли Французы нежели Россійскія войска; и что Наполеонъ на другой день не осмѣлится больше насъ тревожить, и потому мы спокойно маршируемъ до Поклонной горы, гдѣ и остановимся еще поражать непрітеля».

Въ такихъ мысляхъ сидѣлъ и дома спокойно до самаго 2-го Сентября, которое число было въ Понедѣльникъ. Поѣхалъ и перхотъ узнать, что въ Кремль дѣлается и не найду ли кого изъ военнахъ чиневъ; и подлинно нашелъ, но только не команды коменданта Гессе, а изъ арьергарду г-на Милорадовича послѣднихъ казаковъ съ командиромъ ихъ штабъ-офицеромъ до 300 ч., который собиралъ ихъ изъ лавокъ, чтобъ скорѣй выдти изъ Москвы; и ко мнѣ подъѣхавъ сказывалъ, что армія наша въ минувшую ночь прошла чрезъ Москву, и и-де послѣдній ретируется; и мнѣ советовать скорѣй вонъ изъ Москвы уѣхать.

Признаюсь, досадно было мнѣ сіе отъ него услышать, что безъ бою Москву оставившемъ непріятелямъ на раззореніе. Итакъ я, поворота отъ него свою лошадь, поѣхалъ домой съ своимъ человекомъ Васильемъ, которой также былъ верхомъ за мною. И доѣхавши лишь до своей улицы Малой Дмитровки, какъ уже встрѣтили меня два драгуна Французской службы и ѣдутъ какъ будто въ свой городъ, не обнаживши свои сабли; поравнявшись со мною, спрашиваютъ меня по французски «которой я парти»; я отвѣчалъ также по французски, что я ни къ какой парти не принадлежу, а Россійской генералъ, давно живу въ отставкѣ въ своемъ домѣ; спросили «а гдѣ твой домъ?», отвѣчалъ: отсюда недалеко; потомъ сказали мнѣ, чтобъ я приказалъ своему человеку съ лошадю слѣзть, а ту лошадю имъ отдать. «Я не дамъ вамъ лошадю и думаю, что вамъ не вѣрно грабить тѣхъ обывателей, которые смірно жили въ домахъ своихъ, а когда вы насильно будете брать, я поѣду на васъ жаловаться вашему генералу». Они видно оробѣли сего смѣлаго моего отзыва или потому что я былъ въ мундирѣ и при шпигѣ. Только при первой встрѣчѣ непріятельской я отъ нихъ остался съ выигрышемъ и домой пріѣхалъ здоровъ и цѣлъ; велѣлъ разсѣдлатъ скорѣй лошадю и занереть ворота. Потомъ въ тотъ же часъ увидѣлъ ѣдущіе по той же улицѣ непріятельскіе эскадроны марширующіе взводами настоящимъ порядкомъ и съ своими командирами; но ниже ни у одного не вынута сабля, а ниже и пѣанъ пѣсни; а какъ переходили переулки, то раздѣлялись по взводамъ, въ разные жъ улицы раздѣжались, какъ обыкновенно ходи въ городъ и занимая оной фланкеры дѣлать должны *). Потомъ, какъ все прошан, помянутые тѣ два драгуна, возвратившись въ моему дому, еще привели съ собою четырехъ драгунъ и просятъ на дворъ, кричать, чтобъ ворота были отперты; я велѣлъ ихъ пустить, дабы не вломаны чего. Стали просить ту лошадю, что на улицѣ подъ человекомъ видѣли; я упрямился долго и стращалъ ихъ, что буду жаловаться на нихъ, но дѣло доходило до сабель; закричали: nous passassions tous, то-есть всѣхъ перерубимъ; принужденъ былъ отдать ту лошадю имъ; взяли онию, тотчасъ уѣхали съ двора.

Первый день свѣтъ и кончился. Никто не забавалъ и не приходилъ на дворъ, а ѣхали и шли по улицѣ довольно много, и ночь прошла благо-

* Сія перестанка войны кончалъ въ Москву, всѣ были авангарда подъ командою Марата Неапольскаго короля; а императоръ ихъ Наполеонъ въѣхалъ съ своею гвардіею 4-го числа Сентября жъ съ барабанищи. Бои въ верхомъ и жили въ Кремль во дворцѣ; послѣ отбитія сіе остался главнымъ начальникомъ подъ войскомъ маршалъ Мортонъ, поѣхавши изъ Москвы опредѣленъ военнымъ генералъ дивизионный графъ Милло, а интендантъ въ городъ и провинціи Московской былъ Лессеисъ, отъ котораго печатаны были шару прокламации.

получно. На другой день часу въ девятомъ, то-есть 3-го числа, пришли два Французскіе офицера къ воротамъ; ибо вѣны были заперты, просились на дворъ; и велѣлъ отпереть и самъ, ихъ встрѣтивъ, спросилъ что имъ надобно? отвѣчали, что мы хотимъ здѣсь квартировать». И, подумавъ, что лучше офицеровъ имѣть постоемъ, нежели инаннихъ чиновъ, согласился. Они вышли и скоро потомъ пріѣхали съ бричкой. Одинъ объявилъ о себѣ, что онъ инспекторъ квартиръ, а другіе два офицера; одинъ изъ нихъ былъ боленъ. Располагались въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Фоввизинъ занималъ, ничего у меня не требовали, кромѣ воструль и посуды, все къ улану изготовили изъ своего принасу, слуга у нихъ былъ одинъ Французъ. И такъ провели ночь спокойно, даже сѣна и овса лошадямъ, конихъ было пять, у меня не взяли, а привезли откуда-то не знаю. Ужасно какъ и обрадовался такимъ постояльцамъ отъменно добрымъ и думать, что они у меня долго квартировать будутъ; но на другой день, т. е. 4-го числа, они, собравшись въ бричку своей, въ 10-мъ часу съ двора поѣхали, сказавъ мнѣ, что они авангарднаго водева, команды Неапольскаго короля Мурата. Послѣ ихъ тотчасъ явились и на дворъ пришли тушельщны огня при унтеръ-офицерѣ и савѣры; ибо наша сторона уже горитъ. И имъ сказали, что помощь ваша мнѣ не нужна, увидѣвъ, что они уже побывали въ верхнихъ комнатахъ, но тамъ нечего было взять. Что жъ они сдѣлали? Пошли около моего дому ближайшіе дома купеческіе не охранять, а зажигать, и меня тѣмъ огнемъ выгнать изъ дому, чтобъ лучше грабить. И такъ, увидѣвши я сіе злодѣйство, велѣлъ скорѣй нужныя вещи и книги въ коляску укласть и на дрожки для ухода отъ пожара; ибо уже у дому моего загорѣлась крышка, вышелъ съ двора и съ людьми мои со слезами, запряжа въ коляску одну лошадь, а въ дрожки двѣ, потому что одну лошадь прежде сего увезли (всѣхъ было четыре). Послѣ сего набѣжало на дворъ мой тѣхъ тушельщниковъ и савѣровъ много, и начали грабить; а я съ людьми своими и новозками поворотилъ въ переулокъ, увидѣвъ домъ пустой уже также ограбленной, туда на дворъ заѣхалъ въ мысляхъ тѣхъ, что уже въ ограбленной домъ никто не придетъ, а самъ вышелъ и за врата. Но тѣ же савѣры или лучше сказать бродяги, увидѣвъ меня, обступили, просили денегъ; и имъ далъ три рубля серебромъ, ушли. А потомъ и драгуны на тотъ дворъ съ ними пришли и начали грабить, что въ коляскѣ было и на дрожкахъ, а два жандарма пошли въ конюшню, нашли тамъ лошадей, увезли, потомъ зажгли и домъ тотъ съ его строеніемъ и сѣвжею, противъ воротъ того дома бывшею; такъ что мнѣ выдти въ ворота не можно было, ибо все пламенъ обхватило. Велѣлъ людямъ нескать лѣстницу, чтобъ перелѣзть черезъ стѣну камешную, спасти себя и людей, и такъ представивши лѣстницу къ стѣнѣ, которая

окужала садъ купца Шевалдышева, къ нему въ садъ и полѣзли. Лишь только лучшія вещи туда спустили, какъ прибѣжали Французской драгунъ и началъ грабить; разломавъ эфесомъ шкатулку, извѣлъ изъ нея лучшее въ глазахъ людей моихъ, бриліантовой перстень, табакерки золотыя, деньги и прочее, что въ ней было; наполнивъ карманъ, ушелъ. Я думалъ въ саду чужомъ укрыться и найти себѣ спасеніе отъ этихъ злодѣевъ; но тамъ уже давно шатаются тѣ грабители и зажигатели; ибо купецъ былъ очень богатой. Въ саду я спознакомился съ хозяиномъ того дома и саду, спросилъ у него позволенія, что безъ позволенія очутился я въ его садъ, хотя совѣмъ не былъ знакомъ, сказавъ ему о своемъ несчастіи, и что огонь меня сюда привелъ; а онъ мнѣ отвѣчалъ, что уже другой день какъ его домъ грабятъ и вездѣ роются въ садъ и ищутъ, а у воротъ приставили караулъ, чтобъ никто выдти не могъ. Тогда-то я, крѣпко выдохнувъ, ушелъ отъ огня, а попался въ руки къ злодѣямъ. Весь день сей 4-го числа безпрестанно то тѣ, то другіе приходили, обмывали всѣхъ насъ, мушкетъ и женщинъ, раздѣляли даже до рубашки и грабили.

Какъ-то другая моя шкатулка уцѣлѣла, люди ее спрятали въ густой кустъ еще во время какъ перѣзвали чрезъ стѣну; но какъ лишь легли мы спать на травѣ, вдругъ услышали крикъ отъ женщинъ (ибо у Шевалдышева ихъ было довольно), а сей сдѣлался отъ сего, что набѣжали тѣ грабители и начали грабить, а потомъ и къ намъ пришли съ обнаженными саблями, приставають каждому къ груди, кричать ларжанъ, ларжанъ, т. е. деньги, и ко мнѣ одинъ прибѣжалъ, также просить денегъ, а какъ я уже скрылъ себя отъ генеральства и былъ также помужички одѣтъ, отвѣчалъ ему: нема, нѣту, будто не знаю что онъ говорить; ударилъ меня саблею по плечу, а потомъ велитъ послѣдніе сапоги съ ногой скинуть. А какъ у меня силъ на то не было, ибо и ноги уже опухли, разсердился бестія, думалъ, что я не хочу отдавать, взмахнулъ саблею и хотѣлъ разрубить голову, которую я защитилъ лѣвою рукою, далъ большую рану, кровь потекла, меня оставилъ, разсѣявшись сказалъ: *Voilà quelle folie! Il a voulu perdre la tête pour les bottes*, т. е. есть вотъ какое дурачество, хотѣлъ потерять голову за сапоги; къ другимъ пошелъ грабить, былъ бестія немного пьянъ. Кабы не тулупъ толстой овчинной, которой далъ мнѣ купецъ, въ другомъ бы платѣ совѣмъ бы перерубилъ руку, наслау кровь ушелъ. Догадался я, нехотѣть земля гореть принесть и смѣшать съ водой, сдѣлалась лентенка, и къ ранѣ приложилъ и лишь высохнуть она, отъ чрезмѣрнаго жара перемѣнилъ другую; сдѣлалась большая опухоль въ рукѣ и локоть отъ удару; боялся, чтобъ не сдѣлался антоновъ огонь, ибо опухоль увеличилась. Вѣроянилъ я, что въ шкатулкѣ, которую у стѣны разбилъ Французъ,

въ ней была бутылочка съ апотельдокомъ, послать туда искать, и по-
длинно оную нашли въ травѣ, принесли ко мнѣ, апотельдокомъ стала
и мазать около раны, опухоль стала уменьшаться, а рана засохла въ
крови вмѣстѣ съ землею, и такъ далѣе слава Богу чрезъ 21 день рука
заклила, и я попрежнему ею владѣю.

Въ саду у кунца Шевадышева Тимофея пробылъ я до 12-го числа
того жъ мѣсяца; каждой день и въ ночь приходили Французы и дру-
гихъ націй, и грабили то въ домъ у него, и въ подвалахъ, то къ намъ
въ садъ придуть, и каждому грабителю раздѣвались до рубанки, вездѣ
ищуть и роютъ; а домъ зажгли его 5-го числа, и въ несчастью нашему
вѣсь искры отъ пламя изъ дому и отъ всего строенія съ головнями на
насъ несло, ибо вѣтеръ такъ былъ; 10-ть сутокъ мы были подъ пламен-
нымъ небомъ. День и ночь покрыты были посыпимися искрами и съ ды-
момъ; ибо тогда вѣтры были сильныя. Потомъ Шевадышевъ хозяинъ,
какъ его прибили, ушелъ, а остался послѣ его сынъ Александра съ
женою и людьми, конхъ у него довольно было; и я думаю, что и они
также грабили, ибо вотъ что случилось. Сказалъ я выше сего, что дру-
гая шкатулка мой сиритана была въ кусту; вдругъ несетъ ее ко мнѣ
хозяйской иконошницъ цѣлую и въ ней съ ключемъ, но уже пустую,
будто нашель онъ ее у воротъ брошеною, и спросилъ, гдѣ Французы
взали ключъ, имъ некогда да и гдѣ подобрать ключи, они бы какъ
и первую разломали; но видно ее очистили свои. Какъ во второй день
въ саду Французъ снялъ съ меня послѣдній жилетъ, то ключи были въ
немъ отъ сей шкатулки, и видно оныя выронилъ, а свои примѣтили и
подобрали; шкатулку же принесъ въ пятой день послѣ того. Впрочемъ
Богъ знаетъ правду и ложь; Онъ сердцевидецъ и помысленія человѣче-
скія знаетъ. Только съ этимъ иконошницемъ послѣдовало хуже моего.
Будучи я съ людьми моими уже въ подвалахъ дома сгорѣвшаго госпо-
жи Березниковой, куды я перешелъ жить 12-го числа того жъ мѣсяца,
такъ же перелѣзалъ мы изъ саду по лѣстницѣ чрезъ стѣну ночью; вы-
шелъ я оттуда единственно для того, что каждый день и ночью встре-
вожены были отъ Французозь, ибо куонецъ былъ очень богатой, не
могли скоро его ограбить; пришелъ ко мнѣ его сынъ, сказалъ, что сего
иконшница Французы закололи и судъ о шкатулкѣ кончился.

Въ подвалахъ я жилъ одиннадцать дней и сдѣлался больше болѣвъ,
чувствовалъ въ лѣвомъ боку отъ жестокихъ вѣтронъ козику т. е. воспа-
леніе отъ простуды или по-французски pleuresie. Лѣкарей нѣтъ, помочь
не кому, и лѣкарства не бывало, жаръ престрашной чувствую, а пить не-
чего, какъ сырую воду, и за той пошлешь человѣка, пошадется Фран-
цузамъ, берутъ насильно на свою работу до самаго вечера носить
грабленное въ лагерь; признаюсь, согрѣшилъ предъ Богомъ! Желалъ
Русскій Архивъ 1905.

смерти, нежели мучиться въ такомъ положеніи, а притомъ ожидая еще больше отъ злодѣевъ тиранства. Гдѣ-то люди достали соляныхъ огурцовъ, оные отъ жару и жажды ѣлъ и пить разоелъ нѣсколько дней, а Французы также и туда въ подвалъ насъ посѣщали днемъ и ночью, но уже нечего было грабить, только тревожили напрасно, ночью жъ приходили съ обнаженными шпагами, имѣвъ въ рукахъ толстыя большія восковыя свѣчи зажженные, видно отъ образовъ изъ церквей набрали. Шевадышева купца сынъ Александра пришелъ ко мнѣ сказать, что онъ видѣлъ на вратахъ поднесъ по-русски «здѣсь принимаются просьбы». Я, собравъ послѣднія свои силы, написалъ туда, чтобъ мнѣ прислали охранительную листъ *), дабы меня, какъ полумертвлаго, не тревожили грабители, изъяснивъ въ ономъ обо всемъ и чтобъ прислали мени свидѣтельствовать, въ какомъ я положеніи есть и болѣнь. Однакожъ никто присланъ не былъ; а человѣку моему Василью данъ *листъ почетный*, и приказывается онымъ меня почитать, какъ Русскаго генерала и больного, а притомъ и до имѣнія моего не касаться, которое уже огнемъ истреблено и Французами ограблено, то есть отъ всего имущества осталось на мнѣ сюртукъ старой, красной камзолъ, штаны старые, чулки и сапоги; а часы съ цѣпочкою и 75 рублей денегъ потому остались цѣлыми, что ихъ не нашли. Оной листъ у меня сохраняется для памяти моихъ бѣдствій; сей листъ нѣкоторые уважали, и тотчасъ воиъ уходили, а другіе и глядѣть на него не хотѣли, а дѣлали свое; ибо много нашло сброднаго войска, больше на грабежъ, нежели на войну, Швейцарцы, Голландцы, Далматцы, Итальянцы, Гиншанцы, Португальцы, Вестфальцы, Баварцы и Поляки; эти нуще всѣхъ грабили и больше проводниками и переводчиками были при грабежахъ; а Французовъ настоящихъ, какъ слышно, въ войскѣ не очень много было.

Въ подвалахъ жить мнѣ стало очень трудно, и сдѣлался смрадь; вѣдѣлъ нехотѣть, нѣтъ ли гдѣ дому жилого и цѣлаго, нашан у дядька въ приходѣ деревни Николая чудотворна въ Столпахъ. Туда привели мени почти на рукахъ 23-го числа въ пустыя же дѣлѣ набы; а дядечка ушелъ изъ дому въ чужой; ибо у него жъ былъ постоялецъ, у котораго квартировали Гиншанцы и Португальцы съ полковникомъ, право добрые люди, они почти каждый день давали мнѣ по куску хлѣба, а людямъ простаго вина; въ этомъ домѣ мы имѣли только ѣсть хлѣбъ; и то люди мои питались одною пареною пшеницею, а мнѣ кашницу варили вустую, иногда кусокъ рыбы соленой туда клали, и то было не въ пользу въ разсужденіи моея болѣзни. Боже мой! Что человѣкъ не перетер-

*) Формально этою листъ св. выданъ.

нить! Въ дячковомъ домѣ ко мнѣ принесли образъ Спасителя Нерукотвореннаго. Тамъ же я узналъ, что Воспитательный Домъ цѣль и Тургольминъ Иванъ Акинфовичъ оставленъ при немъ главнымъ начальникомъ; послалъ къ нему письмо, въ которомъ прошу, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ хлѣба и кусокъ сахару; подлинно скоро и прислалъ фунтъ сахару, вина бѣлаго бутылку и бѣлаго хлѣба. До слезъ была радость, что я это получилъ; не пиши чай, котораго мнѣ немного далъ дячекъ, почти цѣлый мѣсяцъ, а особенно въ болѣзни желать сего; благодарить Бога, что изъ крайности началъ выходить! А потомъ Тургольминъ и Бѣтъ присылывалъ, наконецъ и самъ меня посетилъ, удивился въ какомъ состояннн и нахожусь; узнавши отъ меня, въ какихъ я былъ опасностяхъ. Въ дячковомъ домѣ уже никто не приходилъ грабить; можетъ быть были сыты, или отъ того, что тутъ Португальцы стояли, о томъ навѣрное не могу рѣшительно сказать.

Тутъ я взялъ у постояльца Русскаго двѣ прокламаціи отъ интенданта Лессенса, напечатанныя по повелѣнію Наполеона на Русскомъ и Французскомъ языкѣ къ народу Россійскому; содержаніе оныхъ больше влонилося къ ихъ пользѣ, нежели обывателямъ; хотѣли предъстать словами, чтобъ привозили хлѣбъ и фуражъ въ Москву на продажу; но спасибо не оказалось такихъ дураковъ; въ Нѣмецкой Слободѣ и зачали было продавать мясники мясо; но на другой день у нихъ все даромъ поотымали Французы, и послѣ оныхъ прокламацій какъ же вѣрить ихъ словамъ? А мясники наслушавъ ушли изъ Москвы. Кофій же, сахаръ и чай и вино продавали одиѣ Французини, пріѣхавшія съ ними, и то только за серебрянныя деньги, потому и невозможно было мнѣ купить ничего; хотя и осталось отъ всѣхъ денегъ у меня въ книжкѣ памятной 75 руб. ассигнаціями, которая у меня была зашита въ подушкѣ, тамъ же и часы золотыя съ цѣпочкою брилліантовою сиратаны были, уцѣлы, и то удивительно, ибо и перина иныя растрасывали. Патенты на чины и рескрипты, присланные съ орденами отъ Государыни Екатерины Алексѣевны, блаженнаго памяти Второй, и проба бумаги, собранныя мною въ одно мѣсто, въ портфель положены, и то было ими унесено; но какъ тамъ денегъ не нашли, въ саду у Шевадышева ихъ и бросили; уже нашли оные послѣ меня, принесъ ко мнѣ Шевадышевъ сынъ Александръ, испъ мокрымъ, наслушавъ могъ насунуть; обрадованъ былъ очень, что оны не пропали; еще Богъ до меня милостивъ, а ордена можно и купить, когда деньги будутъ. Счастье было мое, что изба у дячка была теплая; жилъ вмѣстѣ съ людьми и мѣщаниномъ Михаиломъ Николаевичемъ Поповымъ, что у меня домъ беретъ, какъ и иногда изъ Москвы выѣзжалъ. Дячекъ Григорій Ивановичъ былъ его дядя, за то заплатилъ ему 25 руб. денегъ и за то, что мнѣ онъ

давалъ иногда чайку и меду; а потомъ живописецъ Иванъ Плато-ничъ, фамилію его не помню, увидѣлъ моего человека Василья у воротъ стоящаго, и узнавши отъ него, что я пребываю здѣсь въ домѣ, ко мнѣ пришелъ, ибо мы прежде сего съ нимъ знакомы были, и жаждалъ надъ моимъ состояніемъ, побѣждалъ къ Французскому генералу - ордонатѣру, фамилія его Нёвевиль, Neuveville, у котораго онъ былъ поневолю переводчикомъ, хотя Нѣмецъ, но зналъ по-Французски, объяснилъ мое состояніе ему, и что я въ дурной квартирѣ лежу болѣнь безъ малѣйшей пищи; сей ордонатѣръ видно былъ добраго сердца, тронулся моимъ состояніемъ, или для того, что онъ изъ дому выѣзжалъ жить въ Кремль, тотчасъ приедать сего живописца просить меня жить въ тотъ домъ, гдѣ онъ стоялъ. Сей домъ г-на Веневитенова каменной о двухъ этажахъ: однакожъ, въ осторожность свою, я велѣлъ позвать къ себѣ того дома управителя, его зовутъ Иванъ Григорьевъ, согласенъ ли будетъ онъ на сіе? Пришелъ онъ ко мнѣ и просилъ усердно, говорилъ «при васъ-де мы всѣ дворовые люди спокойнѣе будемъ, да и люди мени лучше слушаться будутъ, а то многіе Французамъ помогаютъ».

Итакъ меня въ тотъ домъ перенесли восьмого числа Октября, и дали мнѣ пустая двѣ комнаты, гдѣ прежде Французской офицеръ жилъ, уже все ограбленное; правду сказать подлинно, сей ордонатѣръ доброй, велѣлъ своему повару мнѣ варить супъ мясной, и далъ мнѣ полторы головы сахару, козію больше 5-ти фунтовъ, 7-мь бутылокъ вина бѣлаго, полторы штуки фризю, которымъ я одѣлъ себя и людей всѣхъ, даже и изъ Кремля присылалъ съ своимъ человекомъ мясо; и потомъ передъ выходомъ изъ Москвы мнѣ выпросилъ у Лессенса сто рублей денегъ и приедать съ тѣмъ же переводчикомъ. Стало и у Французовъ есть добрые люди и жалостливы надъ несчастными; дай Богъ ему здоровья! Даже и въ солдатахъ есть много добрыхъ людей; какъ я былъ въ саду у Шевалашева уже больной и раненой, то иные Французы приходили только посидѣть съ нами, и съ собою вино разнаго сорту приносили, потчивали и насъ имъ, и дѣтямъ давали коринки, безъ сумнѣнія что все было награбленное; а иные были даже босы и ноги, видно голыя ноги; однакожъ ничего не брани, и сапогъ ни съ кого не снимали, уходили отъ насъ ничего не сдѣлавши злого; разговоры иногда слышалъ на Французскомъ языкѣ, между ими похоже на ропотъ, сажель насъ Наполеонъ далеко, какъ то и когда увидимъ свое отечество, вѣдь еще не всю Россію взяли». Видно много недовольныхъ есть въ арміи, а больша часть служить изъ страху.

Какъ Французы оставили Москву, довольно разоренную, то и хотѣли пойти весь Кремль такъ было слышно, но видно не было уже время имъ

каналы для пороху подкапывать, или не было таких ижеверовъ знающихъ, только часть стѣны къ арсеналу взорвали, да караульную съ колокольнею, а дворець загли. По выходѣ ихъ вступили казаки и прощія воиска Россійскія подъ командою генераль-маіора Ивана Дмитріевича Пловальскаго. Французы вышли изъ Москвы подъ командою маршала Мортье 11-го Октября до свѣту, пошли по Калужской дорогѣ; такъ было слышно.

Въ домѣ Веневитенова жилъ я до 23-го числа Октября, уже немного выздоровѣлъ, ходилъ въ шубѣ, направлялъ ноги слабыя; ибо время сдѣлалось теплое и дни прекрасныя, какъ бываетъ весною; иногда заходилъ обѣдать къ Тутольмину, спасибо ему, человекъ доброй, радъ былъ, когда приду, у него нашелъ я живущаго тайнаго совѣтника Поквалинина, и приходившаго такъ же обѣдать генерала Сипагина, такъ же ограбленныхъ Французами. А какъ прикащикъ Степана Степановича Авракина Визбаужъ уведомился обо мнѣ, что я боленъ и нахожусь съ людьми моими въ домѣ Веневитенова, пришелъ ко мнѣ; и просить его, чтобы онъ перевезъ меня съ людьми моими въ село Ольгово Степ. Степановича. Радъ былъ, что онъ послушался и то сдѣлалъ. И такъ прѣхалъ въ Ольгово 24-го Октября 1812 года въ Четвергъ, а тамъ что будетъ со мною на милосердіе Божіе и Его волю отдаюсь.

Въ семь моемъ страданій удивительнаго случилось къ замѣчанію слѣдующее.

1. Въ чужомъ домѣ, куда пришелъ, коляска и дрожки еще не были разграблены и домъ еще не былъ Французами зажженъ, велѣлъ я людямъ поскорѣй изъ коляска и дрожекъ взять что лучшее и спрятать, а особливо бѣлье и шкатулки; человекъ, бѣлье вынимавши изъ чемодана, изъ котораго къ то же время выпала на землю одна книга, которыхъ тамъ было положено до 60 лучшихъ. Я увидѣлъ сіе, что за книга сама собою выпала, и велѣлъ поднимать принести ко мнѣ: *Жизнь и страданія Иисуса Христа* на Французскомъ языкѣ, par Sainte Real. Я подумалъ: видно, и мнѣ страдать и терѣть отъ злодѣевъ.

2. Образъ Казанской Богоматери, благословеніе отца моего артиллеріи капитана Ивана Григорьевича, данный мнѣ изъ рукъ его при концѣ его жизни, когда мнѣ еще было только 10 лѣтъ, грабителями Французами два раза былъ съ меня снятъ у купца Шевадышена Тимофея въ саду; ибо на снѣхъ складныхъ есть ика серебряная и вызолоченая. Сей образъ на другой день обратно ко мнѣ приносили, въ первой разъ баба, а во второй разъ мальчикъ того купца и находили его въ саду. Благодарю Бога: весь цѣлъ и теперь у меня есть.

Въ Ольговѣ я жилъ съ 24-го Октября 1812 года по 11-е число мѣсяца Декабря уже 1815 года, всего три года и 16 дней. Отведенъ

мнѣ былъ домъ лѣтній; однакожь я въ немъ прожилъ три зимы и долѣе поръ держался тамъ, пока занемогъ простудою, кошкою въ лѣвомъ боку, опять сдѣлалась pleuresie противъ самаго сердца. Степанъ Степановичъ Апраксинъ, сжался надъ моимъ состояніемъ, позволилъ мнѣ переѣхать въ сельцо Перемилово, его жъ владѣнія, гдѣ занялъ я одинъ амбазъ и съ моими людьми; благодарилъ Бога и Степана Степановича, что позволилъ жить въ тепломъ домѣ, 10 верстъ отъ Ольгова Дмитровскаго жъ уѣзда, а отъ гор. Дмитрова 3 версты.

Живши въ Ольговѣ, время проводилъ, ѣздилъ на охоту съ борзыми собаками, а зямою съ ружемъ на лыжахъ, ходилъ почаству за зайцами; сіе дѣлалъ для мошюу, чтобъ натуральные члены тѣла не ослабѣли. Иногда читалъ библию, иногда о чемъ нибуду сочинялъ, какъ-то окончилъ въ Ольговѣ о Страшномъ Судѣ, выбравъ изъ Библии Вѣтхаго и Новаго Завета всепредвѣдущаго Бога, въ Троицѣ единосущной славимаго, чрезъ Его пророковъ. Еще большая тетрадь подъ названіемъ *Зеркало познать себя*, со многими замѣчаніями и съ прочими выбраними изъ Библии же, къ познанію и объясненію ближнему; исправлялъ ошибки, какъ переписывали въ прежнихъ тетрадяхъ, кои мною жъ сочинены, а именно тетрадь большая «О военныхъ осторожностяхъ къ познанію службы для каждаго чина»; еще тетрадь «О первомъ священникѣ Мельхиседекѣ», какъ онъ остался безроденъ, доказательство приведено изъ Священнаго Писанія; еще тетрадь «Возраженіе на книгу Жидовскую» или увѣщаніе, что І. Христосъ сынъ Божій, общій Спаситель, уже былъ на землѣ; доказательство избрано изъ пророчествъ, кои были ихъ же роду Іудейскаго.

Забывъ я написать. Какъ изъ города Бронницъ переѣхалъ я жить въ Москву, былъ очень боленъ, имѣлъ pleuresie отъ простуды въ правомъ боку, или, лучше сказать, одинъ Богъ знаетъ отчего; но увидя себя на концѣ жизни, послалъ за попомъ своимъ духовникомъ, чтобъ пріѣхалъ съ дарами таинства Божія и меня исповѣдавши бѣ причастилъ, что и совершилось; благодарилъ всемогущаго Бога! Послѣ приобщенія на третій день сдѣлалось мнѣ легче, такъ что день ото дня приходилъ я въ лучшее состояніе; однакожь оной болѣзни продолженіе было около трехъ мѣсяцевъ. Во время исповѣди обѣщался я, если останусь живъ и здоровъ, сходить пѣшкомъ къ мощамъ угодива Божія Сергія Радонежскаго Чудотворца и преподобному Сергію отелужа молебень приложиться къ его мощамъ. Благодарилъ Бога, что сіе обѣщаніе по выздоровленіи я исполнилъ. Къ Троицѣ дошелъ я въ 3-й день къ вечеру; а на другой день отелушавъ литургію и потомъ то обѣщаніе исполнилъ; послѣ же сего забавилъ я въ Вишнію къ митрополиту Платону, и онъ тогда былъ боленъ, правою рукою не владелъ, посидѣвъ у него часа

два, возвратился въ Москву благополучно. И такъ въ домъ своемъ началъ жить, препоручивъ себя во всемъ Промыслу всемогущаго Бога.

А въ 1817-мъ году село Перемилово, въ которомъ я жилъ, поступило по ридной въ приданое за дочерью Софьею Степановною: то Степанъ Степановичъ Апракинъ писалъ ко мнѣ письмо, чтобъ я изъ того села выѣхалъ, почему и принужденъ я былъ искать себѣ квартиру въ городѣ Дмитровѣ или купить домика; квартиры за постоемъ полку не нашелъ, а купилъ домъ у исправника Дмитрія Ивановича Савастагулова, въ которомъ, по совершении купчей, и началъ, по опредѣленію всемогущаго Бога, жить съ моими людьми съ 7-го числа мѣсяца Мая 1817 года, а впредь что со мною будетъ отдаюся на волю моего Создателя: Онъ единъ предвѣдущъ.

Объяснилъ я поступки по службѣ для Государя и отечества и о прочемъ; а потомъ захотѣлось написать и нѣкоторыя свои молодыхъ лѣтъ шалости и любопатетныя, случившіяся во время прошедшихъ дней моей жизни. Нехудо человѣку и въ порокахъ своихъ признаться: кто сіе прочтаетъ, будетъ отъ того, гдѣ только можно, остерегаться.

Какъ адъютантомъ былъ въ Архангелогородскомъ пѣхотномъ полку, въ праздное время учился я у музыканта Быхова плавать по водѣ одинъ и съ фашиною; онъ очень былъ этому мастеръ; при Фальцѣ въ Молдавіи Прутѣ-рѣку я переплылъ съ онымъ Быховымъ, иѣвши передъ собою въ рукахъ фашину, а какъ пошли отъ рѣки Яломцы уже бывши съ полкомъ въ Валахія въ корпусѣ генераль-аншеца Эссена, и случилось полку идти подлѣ берега рѣки большой Дунай, день былъ очень жаркой; солдатъ и много офицеровъ отпущено было мыться и купаться въ Дунай, захотѣлось и мнѣ. Отпросился я у подполковника де-Ласси (что нынѣ полнымъ генераломъ) и пошелъ съ подпоручикомъ Шестаковымъ купаться, у берегу много я плавалъ и легко, чему очень удивился Шестаковъ, что и мастеръ. Отъ сей похвалы родилось желаніе переплыть Дунай, а къ тому жъ и поуждало меня то, что сказали есть тамъ на островѣ удивительныя пещеры. Я перебрестася и поплылъ; и переплывши уже середину, какъ взглянулъ, что тамъ очень крутой берегъ, то и испугался, что мнѣ прѣстать будетъ тамъ нельзя и негдѣ и такъ отъ сего воображенія тужъ минуто у меня руки опустились, и принужденъ повернуться назадъ, и лишь доплылъ до стерженя рѣки, гдѣ быстрѣе всегда вода течетъ, понесла меня оная по своей волѣ; я имѣлъ еще силы закричать Шестакову, чтобъ онъ постарался меня спасти—тону; а онъ нескоро и повѣрилъ, думая, что я кричу шутя; но увидѣвъ, что все уже люди на берегу бывшіе начали съуетиться, сталъ искать тѣхъ, кто умѣетъ плавать; ибо тутъ лодки нигдѣ не было, а я уже изъ памяти выбился и захлебнулся нѣсколько разъ. Къ сча-

стию моему онъ нашелъ бомбардира изъ роты капитана Базица, зовутъ его Иванъ Григорьевичъ Дураковъ, которой плыть пустился по срединѣ и увидѣлъ только мои волосы; меня догналъ и нырнувши подъ меня такъ былъ силенъ, что одною рукою меня до половины изъ воды высунулъ наверхъ. Хотя я былъ я безъ памяти, однакоже проглянулъ на свѣтъ. Онъ велъ меня какъ рыбку одною рукою къ берегу, а другою плылъ, или лучше сказать грѣбъ; послѣ еще помогъ ему 1-й роты солдатъ Агеевъ. Приведши меня къ берегу, не вытащилъ всего меня вонъ изъ воды, а весь корпусъ мой держалъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока я веку воду выблевалъ вонъ; и думаю, тѣмъ спасъ меня отъ водяной болѣзни или отъ горячки. Какъ тонулъ, эту смерть я точно испытаю; ибо уже безъ чувствъ былъ; мучила меня совесть долго, что я произвольно и безъ нужды поплылъ на ту сторону и сдѣлалъ самъ себя для похвалы убійцею. Сему бомбардиру я заплатилъ все, что имѣлъ у себя дома денегъ, да у Базица капитана выпросилъ его изъ 1-й классъ для большаго жалованья. Сей случай, думаю, помнитъ господинъ шефъ того полку, что въ Москвѣ, генераль-майоръ Рехенбергъ; ибо онъ въ томъ же полку былъ, служилъ прежде поручикомъ, а потомъ капитаномъ, да можетъ быть и бомбардиръ Дураковъ еще живъ.

Еще тонулъ на Кавказской линіи, на рѣкѣ Терекѣ. Этому свидѣтель Степанъ Степановичъ Апраксинъ. Поѣхали мы осмотрѣть весь мостъ по дорогѣ, что идутъ въ Грузію, т. е. кон Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ дѣлалъ, для монумента своего имени, за Владикавказомъ, называвшимъ отъ него же крѣпостию (а то было бездѣльный редутъ, четвероугольный изъ башенцевъ сложенъ, какъ огорода обкладываютъ; а онъ за таковая крѣпости и эту дорогу болѣе 700 тысячъ рублей уходилъ изъ казны царской). Доѣхали мы до перваго той рѣки пролива, увидѣли ширину изъ подобіе версты Царскосельской, что тамъ казалося чудесама, на которой вырѣзаны слова (я позабылъ что), а мосту только осталось клочки желѣза, весь вода пазомала, ибо онъ былъ деревянной, обрѣзана желѣзомъ. Отъ сего Степанъ Степановичъ Апраксинъ воротился назадъ, а я поѣхалъ съ 6-ю казаками впередъ далѣе въ горы, чтобъ и другой увидѣть проливъ. Доѣхавши до онаго рѣки Терева, тамъ уже мосту и знаковъ нѣтъ, гдѣ былъ, сей рукавъ я перѣхалъ войскою съ большою опасностію и съ казаками, очень вода быстра, а только были по колѣно лошади. Но чрезъ 3-й рукавъ той рѣки казаки мои не ѣдутъ, а говорятъ мнѣ, что тутъ какъ Тамара полковникъ ѣхалъ изъ Персін, то будто бы пять человѣкъ казаковъ утонуло. И этому разсказалъ и слышалъ: видно лошади ихъ были пьяны; а самъ, удравъ свою лошадь плетью, которая прыгнула въ воду, и не успѣвъ я отъѣхать отъ берегу на 6-ть шаговъ, какъ лошадь моя повалилася

отъ быстроты воды и упору въ лошадь, хотя и по колено есть только глубины. Я ухватился за гриву и потомъ оторвался; вода меня то за-завела, то я встану на ноги и боровшись съ водою сержусь, что не могу идти; но какъ изъ силъ выбился, то уже вода покатила меня какъ камень, и къ счастью моему прибила волнами ближе къ тому берегу, по которому казаки бѣжали и не спускали меня съ своихъ глазъ, подали мнѣ конецъ тупой пикн и держали двое; боялись видно, чтобъ я ихъ не стащилъ въ воду. За конецъ пикн меня вытащили на берегъ, гдѣ и отдыхалъ болѣе четырехъ часовъ, а лошадь пропала и съ сѣдломъ, водою унесена. Дали мнѣ казаки свою лошадь, а двое на одну сѣли, доѣхали мы до славнаго Владикавказъ, которой никогда не владѣлъ Кавказскими горами и около ихъ горскими жителями. Отъ того мѣста оной речушкой былъ въ 25 верстахъ; тамъ отдохнувши, ибо былъ весь мокрой немного посушился, прѣѣхалъ потомъ въ Моздокъ, гдѣ и Апраксина нашелъ. Опъ удивился что со мною случилось; а ему отвѣчалъ, что и доѣхать до самаго нельзя; однакожь послѣ сего нельзя, я сдѣлался боленъ горячкою и уже въ Москвѣ выздѣлся, какъ прѣѣхалъ жениться на Настасьѣ Ивановнѣ Бутрюмовой (что и совершилось въ первый Рождества Христова на Петровской улицѣ 1785 года Октября 8 дня; отецъ посаженой былъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукой, а мать Марья Степановна Талызина, сестра родная Степана Степановича Апраксина).

Когда Крымъ мы покорили силою оружія, князь Потемкинъ, какъ прихотливому вельможѣ, возани неакій день Донскіе казаки свѣжій ледъ, увѣряя всѣхъ, что они его достаютъ изъ пропасти на высокой горѣ. Я это услышавъ, отпросился у своего полковника Апраксина; поѣхали мы трое до того мѣста, гдѣ берутъ ледъ, съ капитаномъ гвардіи Киселевымъ Федоромъ Ивановичемъ и майоромъ Карташовымъ; казакъ былъ намъ проводникъ. На дрожкахъ доѣхали мы до горы, а потомъ сѣли на казачьихъ лошадехъ и все на гору ѣхали верхами болѣе 5-ти перестъ. Потомъ прѣѣхали на площадку, на коей были плиты камня дикаго; и спросилъ казака, гдѣ жъ то мѣсто, что на ледъ беретъ, онъ мнѣ показавъ; подѣхали мы къ ямѣ нерегулярной въ своей окружности, не болѣе кругомъ 26-ти аршинъ, отдавши лошадей держать казакъ, зачали спущаться на казаккомъ винъ, то-есть шли мы всѣ трое; ступень болѣе 40 сдѣлали, такъ уже свѣтъ мало былъ виденъ сверху. Потомъ казакъ привязавъ веревку къ камню, и спустился еще ниже, по веревкѣ цѣпляясь руками и перебирая винъ, а намъ велѣвъ, колы скоро затрясегъ веревкою, тануть одну ногу, что мы и сдѣлали; и подлинно вытащили свѣжаго льду большой кусокъ. Я этому не повѣрилъ; говорю своимъ товарищамъ, можетъ быть туда казаки навзали льду, и шель

обманываютъ, а божѣ для того, чтобъ съ князи брать деньги за ледъ. Спустился и я туда въ казаку, и подлинно нашелъ правду ихъ; какъ будто бы въ погребѣ тамъ холодно, и сосульки сверху висять, а внизъ нара еще пошла, куда я камень винулъ, но эха отъ упаду не слыхалъ; видно очень далеко. И Карташовъ спускался, только Киселевъ не хотѣлъ; оттуда прѣехали и уже всѣхъ увѣрили, что казаки ледъ дѣйствительно изъ пропасти возять. Послѣ сей опытности или повѣрки, я подумалъ о казакѣ первомъ, который добровольно рѣшился спуститься въ неизвестную пропасть, гдѣ могъ бы получить смерть, единственно, чтобъ угодить роскошному вельможѣ, а намъ уже не ужасно было то исполнить; былъ смѣлаго духа человекъ.

Въ Анкермансѣ Таврической области, что послѣ дано названіе Севастопольская гавань, въ разсужденіи убѣжища Грековъ и монаховъ и ихъ служеній отъ Татаръ и Турокъ, сдѣлали они себѣ недалеко отъ пристани въ высокомъ берегу какъ въ горѣ каменной точно такіи пещеры, какъ у насъ въ Кіевѣ, но только изъ камня выкопанныя, внутри жилища, и тамъ же престолы Божіи были, гдѣ они служили литургіи для совершенія таинствъ. Но какъ ихъ изъ острова Крыму совѣмъ выгнали, то тѣ мѣста видно послѣ трясенія земли открылись; половина ихъ вся ушла въ заливъ морской, а другая осталась. Мы туда прѣехали съ Апраксинамъ Степаномъ Степанычемъ осмотрѣть старый Херсонесъ, въ которомъ князь Владимиръ крестился и женился на царевнѣ Аннѣ Константинопольской; то тутъ намъ одинъ офицеръ сталъ пересказывать объ оныхъ пещерахъ. И такъ я рѣшился ихъ видѣть, и ползли мы съ нимъ наверхъ. Трошника была очень узкая, правымъ плечомъ держался къ боку горы, а лѣвымъ была крутизна въ море вышины божѣ 130-ти сажень, наслу дользали. Тамъ и списывалъ надписи въ каждой келіи и надъ престолами, писано было по-гречески; высмотрѣвъ все, сходить стали назадъ; тогда-то почувствовалъ я внутри что такой за страхъ и ужасъ предстоящей и видимой смерти; и мой товарищъ поблѣднѣлъ; но другъ другу изъ честолюбія о робости души скрывали; ибо въ каждой ступени лишь бы нога оскользнулась, то должно упасть въ море; а ширина дорожка наша была не больше аршина, гдѣ было ужасное мѣсто для схода, Бога просилъ простить меня, что уже въ послѣдній разъ сей для любопытства проступокъ противъ здраваго разсудка сдѣлалъ, только свелъ бы насъ благополучно; съ Его святою помощію сдѣлали мы, и пришедши все мы разсказали Апраксину. Оттуда съ нимъ поѣхали въ города Козловъ и Бахчисарай и въ прочія мѣста достойныя видѣть, и возвратились благополучно къ своему мѣсту. Забылъ я написать, прежде сего былъ я на горѣ, прозванной Четырдау въ Крыму же, до половины оной верхомъ взлѣзалъ, а

тамъ прикомъ съ Татаринкомъ взошли, съ которой горы, если бы зрѣніе доставало, можно бы весь Крымъ увидѣть.

Дуэли по волю моей имѣлъ два раза, а секундантамъ былъ три раза.

1-я дуэль была у меня, какъ былъ еще поручикомъ. Стояли мы лагеремъ подлѣ Журжи, что на Дунай, съ подпоручикомъ артиллеріи Новосильцевымъ, которому я ухо перерубилъ и на рукѣ рану далъ; но онъ такъ оробѣлъ, что на козняхъ стоя проспалъ у меня прощенія; меня же немного по рукѣ огнь зацѣпилъ; дрались шпатами, бывши въ корпсѣ графа Ивана Петровича Салтыкова; за то что онъ дерзнулъ нашихъ офицеровъ вообще при мнѣ бранить. О сей дуэли зналъ Таруковъ Ардалионъ Александровичъ, что былъ при дворѣ Его Величества служить, а тогда былъ онъ квартирмейстромъ въ 4-мъ гранодерскомъ полку.

2-я дуэль была уже въ 4-мъ гранодерскомъ полку (я служилъ капитаномъ; въ Польнѣ стояли лагеремъ) съ капитаномъ Ивановымъ. Я у его руки пальца перерубилъ, что уже не могъ держать и шпата; тутъ и помирились; а произошло за то, что онъ приревновалъ къ своей дѣвкѣ, къ которой я какъ Богъ святъ! ничего не чувствовалъ и не имѣлъ дѣла. Въ командѣ были тогда у бригадира Левашева Александра Ивановича, о чемъ и онъ послѣ узналъ, и Степанъ Степановичъ Аиракенивъ потомъ узналъ.

Въ 1-й разъ секундантамъ былъ у майора Григорья Потановича Зиновьева и у поручика Коробкина Николая Григорьевича, кои служили въ томъ же 4-мъ гранодерскомъ полку, стоявши на квартирахъ въ городѣ Рославль Смоленской губерніи. Они стрѣлялись, но къ счастью обиженный, т. е. Зиновьевъ, не попалъ въ Коробкина; то и совѣтъ далъ поручику Коробкину уже выстрѣлить вверхъ, дабы самому послѣ не попасться въ бѣду, если бы кто убитъ былъ; отъ сего великодушія они и помирились.

2-й разъ въ Москвѣ какъ дрались на шпатахъ князь Сергій Ивановичъ Адуевской съ низземъ же Иваномъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Я тогда жилъ въ домѣ Степана Аиракенина и былъ тогда немного боленъ; какъ сей Адуевской пріѣхалъ и просилъ меня въ секунданта къ себѣ, что онъ ѣдетъ драться; я было не хотѣлъ, но Степанъ Степановичъ мени упрямилъ. Рубились они на шпатахъ у Петровскаго дворца въ дѣсу, и Гагаринъ уже было его погналъ, даже мой Адуевской поскользнулся и упалъ; то я, останови ударъ отъ шпата, который летѣлъ по головѣ, сказалъ Гагарину, дай противнику исправиться, ибо я былъ у обояхъ одинъ секунданта, на что самъ Гагаринъ согласился встать тому; а опослѣ сего Гагаринъ уже былъ порубленъ въ руку; тутъ и ихъ и разошелъ; ибо уговоръ былъ до первой раны; и какъ я пришелъ

домой иълаго Адуевого, то жена его и все дѣти бросились ко мнѣ съ радостію благодарить за спасеніе отъ раны.

3-й разъ былъ секундантомъ у вичучатнаго своего брата Пафутія Алексѣевича Мосалова въ Петербургѣ еще при жизни Государыни Екатерины Алексѣевны. Онъ на палашахъ рубился съ поручникомъ конной гвардіи Сабуровымъ. Пришли они оба въ конюшню полковую, я былъ обоимъ свидѣтель, и другой просилъ меня и вѣрилъ мнѣ. Пафутій Мосаловъ проигралъ и былъ въ двухъ мѣстахъ раненъ, но цѣль и по плечу очень больно; а ихъ развели, и потомъ помирились, ибо братъ обидѣлъ Сабурова въ разговорахъ, и я тогда былъ еще секундъ-майоромъ.

Пьянъ былъ я отъ роду семь разъ. Въ капитанскомъ чинѣ одинъ разъ въ Польнѣ въ селѣ Красномъ у полковника Матѣя Петровича Ржевскаго. Былъ обѣдъ въ день его ангела; всѣхъ офицеровъ онъ употреблялъ досата, и сдѣлазся между капитанами споръ о повиновеніи и любви солдатской къ своему командиру. Нѣкоторые офицеры говорили, гдѣ есть сильное повиновеніе, тамъ уже нѣтъ и любви некрепней къ начальнику. Я спросилъ напротивъ, все можетъ сдѣлать въ солдатахъ, когда капитанъ хорошъ, то солдаты его боится и любятъ; а какъ была моя рота гранодерская и стояла въ штабѣ, то и съ позволенія полковника и послалъ за нею, чтобъ пришла съ ружьями. Рота собралась передъ квартиру полковника, я хотя тогда былъ уже очень пьянъ, ему отдалъ честь, а потомъ велѣлъ зарядить ружья; и какъ они отзывались, что нѣтъ холостыхъ патроновъ, то я приказалъ зарядить съ пулями, чтобы выстрѣлить въ воду; ибо у двора былъ прудъ. Они зарядивши съ пулями послушались, а я какъ стоялъ передъ ротою на мѣстѣ, такъ и командовалъ залпъ будетъ, и выстрѣливши закричалъ ступай, ступай, и самъ въ воду кинулся, и они все за мною бросились въ воду; однакъ если бы меня гранодеры тутъ не спасли, я бы вѣрно захлебнулся, ибо очень былъ пьянъ, вытацили мокрою. На другой день уже споръ рѣшился симъ опытомъ; ибо повиновеніе было, что гранодеры послушались броситься въ воду, хотя и все перемокали и вымарались. А любви была доказана, что меня спасли изъ любви и сожалѣній собственнаго своего и вытацили вѣнъ; и осторожность была соблюдена, та, что противъ меня рады не стрѣляли, вида мени пьянаго.

Еще былъ въ майорскомъ чинѣ два раза въ Москвѣ и Петербургѣ. А въ подполковничьемъ чинѣ ни разу не былъ. Въ полковничьемъ чинѣ пьянъ былъ три раза въ Дерзавѣ, у Василья Ивановича Турчанинова, у него обѣдали и потомъ по солдатски подкупили, гдѣ былъ и Степанъ Степановичъ Апраксинъ, въ Польнѣ, въ Винницѣ и въ Овидіополѣ въ Бессарабіи. Сю крѣпость строилъ я съ полкомъ на лиманѣ Чернаго моря. Билъ у мени былъ въ ползу полевой пращникъ, со

вѣсми штабъ и оберъ-офицерами гуляли въ лагерѣ. Да въ генераль-майорскомъ чинѣ одинъ разъ у Апраксина Степана Степановича какъ въ нему захотѣлось проститься въ Овидіоль, Фхавини къ полку своему въ Гродно, тогда чуть было не умеръ отъ проклятаго пушка.

Играть въ карты началъ я съ чину адъютантаегаго, а причиною была сего ивѣкто поручикъ въ дежурствѣ графа Румянцева-Задубайскаго Шериневъ; до того меня выучилъ и обыгралъ, что послѣ уже сталъ брать въ долгъ и ему проигрывать; однакожъ нашего полку секундъ-майоръ Адлербергъ много меня отъ сего воздержалъ. Но во всю мою жизнь никогда изъ вещей своихъ ничего не проигрывалъ, а послѣ какъ узналъ всякаго сорта игры, то уже имѣлъ боушенасъ и осторожность и сталъ выигрывать самъ, а особливо какъ въ Польнѣ стояли: тутъ мнѣ очень посчастливилось, и что я имѣлъ хорошихъ вещей и имѣніе по большей части отъ выигрышу; казенныхъ же денегъ никогда не касался. Правду сказать, что иногда занималъ у своихъ братьевъ, кои вѣрили мнѣ безъ росписокъ; но выигравши или получивши откуда деньги, всегда скоро долги платилъ. Мнѣ же остались и о сѣю пору должавые: Бабарыкинъ, что былъ въ Сенатѣ прокуроръ, а со мной служилъ поручикомъ, 300 руб. Въ Архангельскомъ полку Гедесонъ, что былъ въ Астрахани комендантомъ, 1000 рублей. Князь Щербитовъ Иванъ Михайловичъ, что былъ полковникомъ въ Московскомъ полку, 150 рублей. А брали въ долгъ подполковникъ Бемъ, которой былъ у меня въ полку, 400 руб. Въ томъ же Новгородскомъ полку служилъ и пошелъ въ отставку поручикъ Вельяминъ 310 руб. На подпоручикъ Яничуровъ 420 руб., да на полку Новгородскомъ по претензіи на комесіи провіантской 11216 р. Въ разныя времена въ полкъ не отлучены, кои я принималъ на счетъ полкового исправленія. На подполковникъ Стояновъ, что былъ генераль-лейтенантъ, 300 руб. Но всѣхъ сихъ денегъ выигранныхъ и забранныхъ въ долгъ и о сѣю пору считаю въ умѣ, а получу, когда ихъ совѣсть узнаеть. Теперь бы въ Бронницѣ годилось на мелкіе расходы, да видно, не знаютъ, что я ни полушки, кромя полковничей пенсіи, ни откуда доходу не имѣю, и вѣрно не слышутъ о нуждѣ ближняго *).

(Изъ III-й части Щувинскаго Сборника и VIII-й части издаваемыхъ П. П. Щувинскимъ бумагъ 1812 года).

*) Намъ, неизвестно годъ кончавшій достопочтеннаго Русскаго воина. Могло его въ Московскомъ Андроньевомъ монастырѣ. Получила известность правнукъ его Василій и Паша Васильевичъ Сазановъ, внуки его дочери, Анастасіи Сергѣевны Маверовской. П. П.